

Берафима

ВОЛЧИЦА

Серафима

Волчица

«Издательские решения»

Серафима

Волчица / Серафима — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501907-3

Повесть «ВОЛЧИЦА» — скорее сказка для взрослых, это несколько идеализированная история о жизни, отношениях, любви, чувствах. О человечности дикого зверя и о звере в человеке. Книга для души, читая которую, можно расслабиться и погрузиться совсем в иной мир: заглянуть в самые дебри тайги, помчаться наперегонки с собственным волком, ощутить любовь, радость и покой...

ISBN 978-5-00-501907-3

© Серафима
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Волчица

Серафима

© Серафима, 2019

ISBN 978-5-0050-1907-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается:

Моим родным, любимым и близким.

Тем, кто рядом со мной, и тем, кто уже ушёл к звёздам.

Люблю вас бесконечно, всегда...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Жизнь – это всего лишь начало. Прими её как должное, но проживи с честью, достоинством и любовью, иначе всё остальное теряет свой смысл»

Закрыть глаза и не дышать, не дышать, чтобы не было больнее... Не думать, не слышать, просто лежать с зажмуренными от боли и страха глазами, в холоде и темноте, ждать, ждать, ждать...

Хорошо и спокойно в омуте тёмной пустоты... Не нужно надеяться, думать и бояться, вечное ничто, покой и безразличие. Это лучше и надёжнее, чем извечный бег, страх и ожидание, проще, но безнадежнее. Пора открыть глаза и посмотреть в лицо реальности, как больно бы ни было, как не тянула бы в себя мгла, пора, потому что есть ради кого сражаться и бороться, есть ради кого бежать и смотреть вперёд, есть, и имя тому – детёныш. Мгла ещё успеет окутать тебя своими крыльями и закрыть усталые глаза, но у тебя ещё пока есть время, так что беги вперёд.

Она не помнила, сколько времени лежала в холодной тьме, лишь одна малая часть удерживала её на этом свете – маленький серый комочек, лежащий под её животом, согревающий душу и сердце. Сколько прошло времени? Одна ночь, две, неделя, больше... Она ослабела, рана в боку не давала спокойно дышать и собраться с мыслями, она ждала, пока утихнут боль и разрывающая сердце тоска. Её малыш, её и его продолжение, их детёныш... Теперь он только её, его больше нет.

Боль, рвущая душу, взрывающая мозг, тоска раздирающая сердце. Вой, вырывающийся наружу, плач и крик – песня потери, песня смерти. Так плачут волчицы всего один раз в жизни, когда теряют любимого. Всего одна песнь, но она может разорвать своей горечью сердце. Из последних сил она поднялась на пригорок, гордо подняв голову к холодной белой полной луне. Она пела песню смерти, закрыв глаза, изливая в чёрное звёздное небо свою боль и тоску. Она пела тому, кто ушёл к звёздам, спасая от погони её и их детёныша, она пела ему в первый и последний раз песню горя и любви. Она провожала его своим сердцем и прощалась с ним навсегда.

Так может быть лишь один раз, волчицы – хранят верность только одному волку, больше в их жизни нет места другим...

В изнеможении от горя и тоски она рухнула наземь и провалилась в небытие...

Настало утро, она почувствовала запах свежести утра и звуки просыпающейся природы. Под землёй деловито сновали мыши, она чувствовала их возню – совсем страх потеряли, очень уж близко подобрались... Пора поохотиться, Малыш хочет есть, его давно уже пора кормить, надо встать, набраться сил и...

Затёкшее после долгого онемения тело не желало подчиняться воле разума, но это мелочи, когда есть цель, и эта цель – жизнь её малыша. Вперёд, сквозь скованные холодом и болью забвения члены, вперёд, сквозь затуманенный горем разум, вперёд...

Она встала, принялась, что за странный запах? Она помнила этот аромат, так пах её Волк, когда возвращался с долгой охоты. Молоко и мёд... Странно, очень странно, откуда он мог здесь появиться? Она посмотрела на своего щенка – Малыш несмотря на её беспомощность

не ослаб, а наоборот, поправился, набрался сил, окреп, как всё это странно... Молока у неё не было, кормить его она не могла, если только в забытии, но...

Так вот откуда этот сладкий запах, от него! Не понятно, но подумать об этом она решила несколько позже, когда вернётся со своей охоты.

Волчица медленно, осторожно вдыхая морозный воздух вышла из норы. Нюх был остр и чётко подсказывал ей под каким деревом жадный ёж сделал свои запасы, под каким корнем суетливо копошатся мыши, а где спит старый злой бурый, которого уж точно сейчас будить не стоит. Она взошла на пригорок, что служил ей убежищем и жилищем.

Волк... пронзила истощённый болью потери мозг мысль. Волк, ты больше уже никогда не вернёшься ко мне, и бесполезно стоять, и ждать, вглядываясь в глубину леса не мелькнёт ли где до боли знакомая серебристая спина... Тебя больше нет со мной.

Одна горячая, жгучая слеза проложила свою дорожку, стало так горячо и мокро... Нет. Волчицы не плачут. Песня спета. Теперь она и есть – Волк.

Пробуя на гибкость занемевшие лапы, она несколько раз пробежалась вокруг пригорка... Слишком громко, так она ещё и бурого разбудит. Но что это? Отличный запах – молодой лось, глупый лось, скорее всего отбилась от стаи. Она прижалась к земле, и сколько было сил, не дыша, практически бесшумно ринулась к ручью. Уже готовая к прыжку и атаке – она резко остановилась и замерла на месте. На берегу ручья лежала часть туши молодого лоса. Волчице не было времени думать о том, как он там появился, и почему его до сих пор никто не унёс, ей было не до этого. Она была голодна, но сначала – дело. Она схватила мясо и помчалась во весь опор в нору. Малыш, как ни в чём не бывало, мирно сопел в охапке осенних листьев и соломы. Волчица тихонько положила тушу около него. Всё же, что-то не так. Она не помнила этих листьев в норе, а сейчас их так много, будто кто-то специально соорудил для них с Малышом подстилку. Теперь они в безопасности, никто не потревожит их покой. От туши пахло тем-же сладковатым ароматом, что исходил от Малыша. Кто-то был здесь, в их норе, или ей это просто кажется?

Пора подкрепиться. Волчица медленно ела мясо – много сразу нельзя, иначе можно умереть. Закрыв глаза, она урчала от удовольствия, измождённое тело с благодарностью принимало пищу. Насытившись, волчица улеглась рядом со своим щенком, несколько раз лизнув его. Они спали сладко, мать и сын, на подстилке из осенних листьев и соломы, она легла вокруг него, чтобы ему было теплее, а он что-то проурчал во сне.

А за этой мирной картиной, издалека в бинокль наблюдал человек...

Выпал снег. Всё замело белым пушистым ковром, ночи стали длиннее и ярче, дни короче и холоднее. Зима. За версту было слышно, как крадётся лисица, следы на свежавыпавшем снегу обрели причудливый узор. Тихо, только шорох опадающего с деревьев снега, да приглушённые вскрики лесного зверья нарушали торжественность и покой зимней тишины.

Малыш совсем окреп и подрос, гонялся вокруг норы то за собственным хвостом, то пытался изучать следы, то зарывшись в снег по самые уши рыл себе ходы, как крот: он мог скакать по белому и лёгкому, как пух снегу часами. В нору возвращался холодный, мокрый и голодный. Волчица крепла с каждым днём, рана в боку затянулась, она снова стала сильной и ловкой. Охота доставляла сплошное удовольствие. Запасов хватало с лихвой, волчица старалась не думать о том откуда странный запах у её трофеев, и почему добыча всегда вблизи её норы. Несколько раз она притаскивала раненого молодого лоса, бесчисленное количество зайцев, но всё это было странно – охота была лёгкой, ведь добыча была раненой. О Волке она старалась не думать, но нет-нет, иногда среди ночи, она просыпалась от ощущения, что он рядом

и вот-вот войдёт в нору, и тогда сердце сжимала острая, как лезвие боль. Нет, она запрещала себе – нельзя, нельзя звать того, кто ушёл к звёздам, нельзя терзать своё сердце ожиданием, она не имеет права на эту боль. Возможно, когда-нибудь потом, когда вырастет её Малыш, когда сам станет охотиться, лишь тогда она позволит себе боль и отчаяние, но не сейчас. Придёт весна, настанет время первой охоты Малыша, а сейчас – это её забота.

Как-то среди ночи, она услышала отдалённые звуки, что заставили её сердце сжаться от боли и страха – охота. То были люди, те самые люди, от которых плохо пахло чем-то острым и смертельно опасным. Люди, чья жажда крови не имеет границ, те, кто не знают покоя, те, кто охотятся не ради пропитания, а ради желания убивать, те, кто повинны в уходе её Волка, те, кого нельзя назвать людьми...

Волчица ждала всю ночь, прислушивалась, принюхивалась, ловила каждый шорох, но они ушли, и увели за собой своих глупых собак. Измождённая ночным бдением она устало закрыла глаза и уснула.

Малыш проснулся первым и счастливо умчался играть в свою любимую игру: «Отгадай, чей это след». Он казался себе очень умным и взрослым, потому что старался всё делать так, как делает мама – долго высматривал, принюхивался, припадал на передние лапы, потом очень долго полз, потом полз обратно... Хвост всё время был сверху, и он страшно удивлялся, как это он оказывается наверху, если сам он весь под снегом. Потом он бегал за глупыми птицами, что пытались отыскать в сугробах семена деревьев, притомившись – сидел, долго и смачно чесался, так, как это делал папа. Но почему-то задняя лапа никак не хотела слушаться, и он заваливался набок, страшно злился на себя – ведь папа никогда не заваливался, потом принимался чесаться снова, а затем его внимание отвлекала какая –нибудь хрустнувшая ветка, и он забывал об очень важном занятии, и мчался опять охотиться. Так безмятежно, в играх проходили его дни. Но и у него была тайна. Недалеко от их норы, там, за пригорком, куда мама запрещает ему бегать, там, где бежит ручей и начинается территория охоты – почти каждое утро чудесным образом появляется большая миска вкусного, тёплого молока. А ещё там есть – Он, он сидит за ручьём и делает вид, что ничего не видит. Это от него так вкусно пахнет мёдом и молоком, и ещё чем-то очень хорошим.

Малыш сначала очень боялся, что Он опасен и нападёт на него, но потом привык, и просто перестал обращать на него внимание. Особенно было хорошо, когда он пришёл в первый раз, когда «ушёл» папа и мама долго болела, а он так хотел кушать, и горько плакал, а мама всё никак не вставала, вот тогда и появился Он. Он принёс большую миску тёплого молока и поставил прямо около норы так, что Малышу не пришлось выходить из неё. Нет, он не боялся, он бы бросился на него и стал защищать свою маму, и грыз бы его сильно-сильно, но всё-таки ему было чуточку страшно. А потом Малыш привык к Нему. Наверное, он просто хороший, только лакает из его миски, поэтому от него так вкусно пахнет.

А ещё Малыш знал запах страха, он врезался ему в память в ту ужасную ночь, когда папа уводил злых людей вглубь леса, а мама уносила его в зубах в другую нору, ту, где раньше спал бурый. В ту ночь ему было страшно, он ощущал ужас мамы и отчаяние папы, он так боялся, что даже зажмурился изо всех сил, но не издал ни звука. И в какой-то отчаянный миг, когда Малыш услышал призывный вой отца и лай собак, он понял, что больше уже никогда его не увидит... Малыш хотел остановить его, сказать, как сильно он его любит и не хочет, чтобы он уходил и, тут он поймал взгляд отца. В его глазах было всё: и любовь, и верность,

и преданность, и наставление на будущее, но, самое главное – в этом взгляде была сила. И тогда Малыш понял, он станет таким, как его отец.

На сей раз, миски с молоком не было, что очень огорчило Малыша. Наверное, Он всё выпил сам и ему ничего не оставил – вот жадина! Волчонок потрусил обратно к своей норе – нужно успеть вовремя, чтобы мама не успела проснуться до его возвращения, и не начала больно трепать его за ухо, он страшно этого не любил – ведь он волк, будущий вожак стаи. Но он был горд собой – у него была тайна о которой не знала мама. У него была миска молока и Он, по ту сторону ручья, а самое главное – Малыш его ничуть, ни капельки не боялся, главное, чтобы мама не узнала.

Волчица знала и о Нём, и о миске молока. Она догадывалась, что кто-то кормил её щенка пока она была в забытии. Она знала этот запах, знала этого человека, и пусть он не причинял вреда, но от людей стоило держаться подальше. Он не был плохим, помогал и ей, и Малышу, и никогда не нарушал границ. И Он знал её Волка.

Волк рассказывал ей о людях.

– Тогда, выпал голодный, засушливый год, вся дичь ушла в глубь леса, туда, где была чужая территория. Волк ушёл за добычей глубоко в лес, его очень долго не было. Волчица его искала, но не могла найти и следа. Тогда шёл сезон «охоты людей» и она боялась самого страшного. Спустя долгое время, когда отчаяние овладело её сердцем, однажды ночью Волк вернулся в нору. От него исходил тот же аромат, что и от её нынешней добычи. На его левом боку зияла страшная рана, но она заживала и была смазана чем-то резко и остро пахнущим, вот тогда Волк и поведал ей о «них»: он ушёл на охоту далеко, на чужую территорию, долго искал добычу, и почти совсем выбился из сил, как вдруг почувал неладное. На берегу реки были люди, их было много, они ловили рыбу и от них сильно и резко пахло чем-то острым, но было ещё одно, этот запах знал каждый барсук в лесу – от них пахло порохом, а значит смертью.

Волк старался уйти незаметно, но ослабевшее тело дало осечку, и сухая ветвь под задней лапой хрустнула. Один из охотников обернулся на шум, приставил приклад к плечу и выстрелил. Раздался грохот, и страшная раздирающая боль обожгла Волка по левому боку. Потом выстрелы раздавались ещё и ещё, но Волк успел уйти.

Теряя сознание от боли и потери крови, с единственной бьющейся в голове мыслью – в нору, к любимой, единственной. Она своей любовью потушит боль, спасёт, она зализет раны и вытащит с того света. К ней одной, чтобы уберечь и её от опасности. Он мчался изо всех сил...

Говорят, что Волки никогда не теряют ориентира – ложь. Любое живое существо в агонии, либо от усталости, может сбиться со своего пути. И только чудо может вернуть их к жизни. Чудо – это так много, или мало... Простое слово, ласка, или понимание, жест, движение, чувство – чудо, что способно вернуть с того света. Это слишком много для понимания и слишком мало для объяснения.

С Волком произошло чудо. Он мало что помнил из случившегося. Помнил, что нёсся с одной единственной мыслью: предупредить об опасности и уберечь любимую, и уже на грани беспамятства рухнул в овраг, а потом-всё происходило как во сне. Кто-то большой и сильный, от кого пахло мёдом, поднял его на руки, он говорил с кем-то ещё, от кого нестерпимо пахло дымом. Потом его накрыла тьма и лишь резкая, невыносимая боль в боку, запах палёной шкуры – вернули его к жизни, а после настали блаженная тишина и покой, никакой боли, только успокаивающее чувство тепла и уюта. Иногда в его сознание приходили голоса, два мужских и один женский. Но они не были тревожащими, они были успокаивающими. Ещё он помнил нежные прикосновения к ране, и добрые слова, что шептала ему на ухо женщина.

Сначала Волк был напуган, но потом пришло умиротворение, и он понял, что здесь – он даже не знал где это здесь, но здесь, было тепло и сухо, вкусно пахло дымом и сладким молоком, и здесь ему не причинят вреда. Тогда он поклялся себе, что никогда не причинит зла тем, кто так нежно заботится о нём. Наверное, та женщина тоже была «волчица» по сути, просто почему-то стала человеком. Так нежно она о нём заботилась, так ласково шептала на ухо добрые слова, с такой любовью и заботой «зализывала» его раны, так могла делать только настоящая волчица. Она говорила с ним на непонятном языке, но смысл слов доходил до него. Она рассказывала ему, какой он сильный и умный, как много у него ещё впереди солнечных дней и доброй охоты. Она пела ему песни, и боль чудесным образом покидала его тело, и вносила покой в его душу. Она лечила его раны и поила молоком, а он даже не мог открыть глаза, чтобы заглянуть в её и высказать свою благодарность.

Мужчины тоже заботились о нём, тот, что пах дымом, соорудил для него подстилку около очага, и время от времени укрывал его шкурой бурого. Он тоже говорил с ним, но слова его были больше о силе и мужестве, он рассказывал ему истории о былых днях и славной охоте, а Волк лежал и слушал, и впитывал каждое слово. Тот, который вкусно пах молоком и был моложе, каждое утро гладил его по голове и уговаривал выжить, его волк понимал без труда – столько в нём было молодой силы и энергии, столько тепла, любви и заботы. Он просил его остаться с ним и быть верным другом, но ведь он не знал, что у Волка есть та единственная, ради которой он старается выжить, та кто, когда –нибудь принесёт ему щенков, та за кого он готов отдать жизнь.

Волк не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он очутился здесь. Однажды ночью он почувствовал, что достаточно окреп. Силы вернулись к нему и теперь он может уйти. Тогда он медленно открыл глаза и огляделся. Это была странная нора – как люди умудряются складывать такие большие деревья: внутри горел очаг, в нём был горячий огонь, но дымом пахло совсем немного, и в доме было тепло и сухо. Здесь было много разных запахов, но ярче всех ароматов был один – в этом жилище пахло любовью и заботой. Волк попытался встать с лежанки, но тут он увидел Её, она сидела у очага и что-то тихо напевала. Заметив движение, женщина повернулась и без страха посмотрела ему прямо в глаза. Волк никогда раньше не видел таких глаз – они были как небо, ярко-синими, добрыми, ласковыми и обещали заботу.

Он прочёл в её взгляде просьбу. «– Останься, – говорили её глаза, – подожди ещё немного, окрепни и тогда ты вернёшься на волю, к своей волчице. Не торопись, ты ещё слаб». Волк послушно лёг обратно, он не мог спорить с её взглядом. Она подошла к нему близко, присела рядом и стала гладить. Нет, в её движениях не было ни капли страха, только любовь и забота. Волк дал ей обработать рану, что чудесным образом заживала, позволил ей гладить себя по голове и даже не стал скалиться, ведь он был умным волком, и умел ценить доброту. И тогда она попросила его... Это был первый раз, когда она говорила с ним очень серьёзно. Она просила его о защите своей семьи, о спасении своих мужчин, что жили вместе с ней и заботились о нём. Просила уберечь их от бед и всегда, что – бы не случилось – привести их домой. Волк понял каждое её слово. Ведь душам не нужны слова, чтобы говорить друг с другом.

Да, она была настоящей Волчицей, что заботилась о своей стае, пусть она была человеком, но в душе она была свободным волком. Волк заглянул в её синие, как осеннее небо глаза и поклялся, что выполнит её просьбу. Она поняла его кивнув в ответ на его взгляд, нежно провела тёплой ладонью по голове и укрыла шкурой, попросив остаться до утра, чтобы внук и муж могли попрощаться с ним.

На рассвете тот, что пах дымом, принёс ему свежее мясо. Волк с жадностью накинулся на еду, но, поймав смеющийся взгляд старика – ухмыльнулся в ответ и стал есть спокойнее, про запас так, как едят настоящие волки перед долгой охотой. Дед потрепал его по голове

и ушёл дымить своей странной трубкой. Так вот откуда этот запах – он выпускал дым изо рта, странная это была забава.

Насытившись, Волк поднялся и вышел следом за дедом на крыльцо, тот не стал закрывать дверь. Волк был в своём лесу. Он вдохнул пахнувший приближающейся осенью воздух и почувствовал, как тело его наливается здоровой силой. Где-то недалеко зашлись лаем собаки. Дед прикрикнул на них, и они замолчали, Волк удивлённо посмотрел на него, ведь собаки просто учуяли его и испугались, зачем же на них кричать. Дед снова потрепал его по голове и спросил: «– Хочешь уйти от нас?»

Волк посмотрел в его усталые глаза. В этом взгляде таилась тоска по былой молодости, свободе и силе, по вольному лесу и тихих ночах у озера. Волк понял, и он, этот старик – тоже старый мудрый волк. На какой-то миг, на малую секунду их взгляды встретились и глаза человека рассказали волку всю его жизнь, они поняли друг друга. Волк прижался головой к плечу старика – это была наивысшая степень выражения благодарности зверем человеку. Он попрощался и рванул в лес».

После долгого рассказа, они с Волчицей приняли решение: только двум мужчинам будет дозволено спокойно ходить в их владениях, и они никогда не причинят им вреда до тех пор, пока они не пересекут границ...

Волчица помнила это, и понимала, как важно сохранять сложившийся уклад. Теперь, после воспоминаний, ей всё вдруг стало ясно. И кто заботился о Малыше, когда она была больна, кто принёс им сена и листьев чтобы Малышу было теплее спать, кто делал её охоту лёгкой и бережно охранял её и Малыша. Её сердце исполнилось благодарности и уважения к этому Человеку, она вдруг ясно осознала – в его душе жила частица настоящего свободного волка, и тогда она приняла решение.

Зима была долгой и довольно суровой. Бывали дни, когда волкам было просто невозможно выйти из норы – свирепствовали бураны и заметали нору почти до самого верха, в такие дни нельзя было охотиться, и они с Малышом лежали рядом согревая друг друга своим теплом. Волчица всё чаще и чаще думала о человеке, что так нежно заботился о них, она беспокоилась и за него. Однажды ночью поднялась страшная метель – ветер выл, ломая деревья, было смертельно холодно, и Волчица плотнее прижалась к своему Малышу, что сладко спал в охапке листьев, но ей было беспокойно. Запасы были на исходе, надо выходить на охоту, но если к утру непогода не успокоится, то об охоте не может идти и речи. И тут она услышала стон, он раздался совсем близко. Волчица напряглась, её чуткий слух уловил какое-то движение, стон повторился. Бурый проснулся, подумала она... Но нет, что-то было не так. Она учуяла знакомый запах. Нет, этого не может быть, ночью, человек, около её убежища? Волчица бесшумно поднялась на лапы, пододвинув побольше листьев к Малышу, настороженно пошла к выходу из норы.

Хорошо, что старая берлога была такая большая – бурый был огромный и своё жилище строил основательно. Около самого входа лежал человек, он был в крови, а рядом с ним лежала часть туши лося. Волчица смотрела на него долго и пристально, но человек не шевелился и почти совсем замёрз. Решение, ей нужно было принять решение. Она вспомнила закон стаи: «Всегда оберегай тех, кто заботится о тебе». У Волчицы не было времени на раздумья, ведь он в буран нёс ей пищу, она не может его здесь бросить.

Собрав все свои силы, она схватила зубами его за воротник и стала втаскивать человека в нору. Бесполезно, он был слишком тяжёлым. Она старалась до боли в клыках, но человек сдвинулся лишь на йоту. Нет, она его не бросит, он же не бросил Малыша. Она изо всех

сил упёрлась лапами в промёрзшую землю, сдирая когти до крови, но челюсти не разжимала, тащила, тянула...

На её призыв примчался Малыш, и они вместе стали затаскивать замёрзшее тело в нору. Устав до темноты в глазах от перенапряжения, она увидела, что человек уже в безопасности – им удалось его затащить. Она прислушалась к его дыханию, он едва дышал. Нет, она не позволит ему умереть. Волчица легла на него сверху и стала облизывать его лицо. Малыш решил, что мама играет, и стал облизывать человеку руки, от него так здорово пахло молоком и мёдом, всё-таки он лакал из его миски.

Волчица лежала на человеке согревая его своим теплом, она едва сохраняла сознание – усталость навалилась на неё каменной плитой. Тут она почувствовала, что дыхание «нежданного гостя» выровнялось, сердце стало биться сильнее и размереннее, значит – будет жить. Малыш улёгся рядом с матерью, протянув мордочку к самому лицу человека и слушая его мерное дыхание заснул.

На рассвете буря утихла, выход из норы замело снегом, поэтому внутри было тепло и сухо. Волчица пробралась к выходу и втащила внутрь мясо, что принёс ей человек. Он так и не очнулся, но дышал ровно. Ей оставалось только гадать, почему он, один из всех так заботится о ней и её щенке. Почему он не такой, как те другие, от которых пахнет порохом? Она не могла ответить себе на эти вопросы, может быть они с Волком пообещали что-то друг другу, если вообще такое возможно.

Малыш спал на незнакомце так, будто делал это и раньше, забавная была картина: человек в норе волчицы, мерно дышит, спит, а на его груди, раскинув лапы и уши – спит маленький волчонок. Волчица ещё раз посмотрела на них, какая безмятежность... Почему люди и волки не могут быть вместе? Почему не все люди такие, как этот – она задумалась.

Волчица любила наблюдать за Малышом, как он растёт и крепнет, как всё больше и больше походит на своего отца, ей нравилось смотреть на его игры, как он деловито носится, пытаясь поймать свой хвост, она смотрела на него и улыбалась. Её сын, он будет таким-же сильным, ловким, гордым и смелым, как его отец. Но что же делать с человеком?

Дед не находил себе места от беспокойства. Куда мог деться внук, уже шли вторые сутки, как он ушёл из дома. А ведь пошёл кормить Малыша, как он называл волчонка. Дед понимал, что он заботится и о волчице, потерявшей своего Волка, и она не причинит ему вреда, но, как знать, как знать...

Внук никак не мог смириться с утратой своего серого друга, они стали слишком близки с волком, и даже вместе охотились время от времени. Да, такое практически невозможно, но они с серым стали друзьями. Дед видел, как терзался внук, когда понял, что его волка больше нет. Браконьеры пристрелили его, когда тот «уводил» охоту подальше от своей норы.

Дед видел, как Семён украдкой утирает слёзы и всё всматривается вглубь леса, не мелькнёт ли где серебристая спина. Это было невыносимо больно видеть, но помочь дед ничем не мог.

Каждое утро Семён уходил с плоской свежего козьего молока для волчонка и куском мяса для волчицы. Он нашёл волчье убежище, что было раньше берлогой огромного бурого медведя, там, в глубине леса за ручьём, но деда он с собой брать отказывался, утверждая, что это их с Волком секрет.

Секрет. Где теперь его искать? Дед знал тайгу как свои пять пальцев, и что найти эту берлогу он конечно сможет, но сейчас, после бурана, это практически невозможно – весь лес замело, у него просто не хватит сил...

Волк. Дед тяжело вздохнул, этот волк стал просто частью их семьи. Когда они принесли его в дом, полуживого от смертельной раны нанесённой браконьером, внук умолял выходить его и оставить в доме. Как это было давно. Семе исполнилось двадцать, и он только вернулся из армии, но оставался всё тем же пятилетним мальчишкой, которого когда-то давно, привёз нерадивый сын деда – ребёнок ему был не нужен.

Дед не всегда был егерем на дальней заимке. Когда-то и он был молод и силён, и воевал, но эту часть жизни, свой личный ад именуемый Афганистан, он старался стереть из памяти. Его жизнь сама собой разделилась на две половины – та часть, что была до тайги, была почти забыта. Получив тяжёлое ранение, после полугодового пребывания в госпитале он вернулся в родной город, домой, но... Его никто не ждал: жена счастливо жила с другим, сын его не признавал и делать ему, собственно, было нечего. Он собрал свои скудные пожитки и уехал в тайгу – «зализывать» раны. Он до сих пор помнил, как купил билет на все деньги, что нашлись в кармане и сказал кассирше: «– Подальше, в тайгу». Ехал долго, около трёх суток, прибыв на глухую станцию, и выйдя на перрон он обомлел – вокруг него стоял густой лес. Он присел на сумку и всё думал, что ему делать дальше. На тот момент его жизнь была кончена, ему некуда было идти, не к кому обратиться за помощью, не у кого спросить совета. Даже на то, чтобы просто напиться денег не было. Вот и приехал.

Вечерело, солнце садясь за горизонт позолотило верхушки деревьев, в небе пронеслась стая уток – всё дышало покоем и безмятежностью. Чуть поодаль от станции серебрилось круглое, как блюдце озеро. Он долго сидел и любовался красотой и покоем, и всё никак не мог найти решение. Решение нашло его само. Станционная смотрительница «баба Глаша», как она себя называла, собралась ехать домой и увидела солдата одиноко сидящего на перроне. Ни слова не говоря, она подошла, выдернула из – под него сумку, кинула в телегу, уселась сама и приказным тоном сказала: «– Что расселся то? Садись да поехали, в тайгу тебя увезу, вместо деда моего будешь, егерем». Больше, за всю долгую дорогу они не проронили ни слова, да и говорить ему было нечего. Он просто ехал и любовался осенним лесом, тишиной и тем, что в мире называют счастьем. Так он и стал егерем, и сколько себя помнил, о городе больше никогда и не думал, только слал денежные переводы для своего сына – в тайге деньги не нужны. А потом он встретил её, Аннушку.

Было это в «сельсовете», он приехал с отчётом по лесному хозяйству, а она устраивалась фельдшером. Он увидел её, хрупкую, напуганную, с огромными синими глазами, и понял одно – он хочет прожить с ней всю жизнь и встретить старость. Времени на встречи и ухода у него не было, слишком далеко была заимка от посёлка.

Вечером, набрав охапку луговых цветов, он приехал к поселковой больнице, нашёл её и сказал, что хочет быть с ней всегда. Она посмотрела на него своими пронзительными глазами в которых плескалось небо, кивнула и, положив халат на стул, пошла за своей сумкой. Вот так. Так они обрели друг друга. Никакой романтики, два одиноких человека, пережившие каждый свой ад, просто пошли вместе по жизни рука об руку. Дед уж и не помнил, как тогда сумел набраться храбрости и сделать первый шаг, видимо, его вела сама судьба.

Его Аннушка, его луговой цветочек, такая нежная и хрупкая, и такая невероятно сильная духом. Они любили друг друга так, как любят на грани отчаяния. Он не мог жить без неё, и она не представляла жизни без него. Их слаженный быт был не прост, но и не сложен, жизнь

в лесу совсем другая, не та, что в городе. Они просто были вместе, а вот детей так и не дождались. Всего один раз, за всю их совместную жизнь они поговорили о прошлом, он рассказал ей о своей жизни, а она рассказала совсем немного о своей: что была замужем, потеряла ребёнка и решила сбежать от прошлого. Дед понимал, что это лишь малая часть истории, и что ребёнка она потеряла, потому что муж её бил, и сбежала она поэтому, но выяснять ничего не стал – ни к чему ворошить прошлое. Старые демоны должны быть похоронены и забыты навсегда. Он старался делать её счастливой, а она дарила ему свою любовь.

Однажды, зимним утром деда вызвали по рации на станцию. Он решил, что опять большое начальство приехало из города поохотиться и готов уже был устроить скандал, но приехав на станцию – обомлел. Вместо «большого начальства» деда встречал его двадцатипятилетний сын с мальчонкой, закутанным в старое пальто. Сын был с тяжёлого похмелья, дерзок и груб. Дед никогда не забудет этой встречи и того, что произошло потом...

Встреча была короткой и весьма безрадостной. Небрежно махнув в сторону мальчишки рукой, сын сказал: «-Зовут Семён, ему пять. Документы и одежда в сумке. Мать его умерла, так что он никому не нужен. Ты дед, ты и заботься, а мне некогда, мне жизнь нужно устраивать. И не спорь – нас с матерью бросил, так хоть этого воспитаешь. И не ищи меня, в общем, делай с ним что хочешь». С этими словами сын развернулся и ушёл. Дед смотрел в его удаляющуюся спину и не мог вымолвить ни слова.

Семён спокойно и внимательно смотрел на деда, потом вложил свою ладошку в его, и сказал: «-Деда, пойдём домой».

На заимку ехали молча. Семён пристально смотрел в окно – ни слёз, ни просьб, будто ему было не пять лет, а гораздо больше. А дед, всё никак не мог выкинуть из головы слова сына. Ему было страшно, впервые в жизни он испугался, что скажет Аннушка, что они будут делать с мальчиком, как его растить?

Когда приехали к дому, и дед достал Семёна из машины, Аннушка, стоявшая на пороге, улыбнулась сначала ему, а потом Семёну, затем протянула к мальчику руки и сказала: «- Ну, наконец-то, приехал, а мы уж тебя заждались совсем. Пойдём – ка за стол, а потом поможешь деду со щенками играть, он один не справляется».

И вот тогда дед заплакал, как в детстве. Он ушёл за дом, закурил трубку и плакал от счастья, от нежности, от любви к своей Аннушке, что была ему подарена небом, от того, что у них теперь настоящая полная семья. И тогда он поклялся, что вырастит своего внука настоящим Человеком, а не той пародией на мужчину, каким оказался его собственный сын.

Семён рос настоящим мужчиной, как и мечтал дед. Он был опорой и подмогой для них обоих. Ходил с дедом в тайгу, изучал повадки зверей и тихую охоту, внимательно слушал всё то, чему учил его дед. Знал логова и норы, берлоги с шатунами. Знал, как поставить метку на дереве, чтобы отметить приплод у лося, как приготовить запасники к зиме, как собрать дикий мёд не потревожив пчёл, как собирать травы и корни. Он постигал тайны и науку леса, ходил бесшумно и изучал рисунки звериных троп.

Аннушке он был отрадой и первым помощником – воды принести, дом прибрать, тесто замесить, квас поставить, грибы почистить да заготовки сделать, сказки почитать, песни попеть. Он любил их, а они души в нём не чаяли.

Шли годы, Семён рос, из простого мальчика становился сильным и красивым мужчиной, потом была служба в армии. Аннушка всё боялась, что Семёна в город потянет, даже плакала

несколько раз. Но у Семёна были другие планы. Он вернулся домой, и когда зашёл разговор о его дальнейшей жизни, прекратил все разговоры всего одной фразой: «Мой дом-лес, я здесь вырос, вы – моя семья, а о большем я и не мечтаю». Больше к этой теме не возвращались. Дед оформил его егерем, дом они обновили и жили спокойно, до самого появления Волка.

Дед всё никак не мог понять, как Семён с волком общается, почему тот позволил себя отыскать, почему ходил с ним рядом, как верный пёс. Они даже охотились вместе, для деда это было великой тайной, и он никак не мог постичь её сути.

Семён передвигался по лесу столь же бесшумно, что и волк. И даже несколько раз пугал деда своим внезапным появлением, потом, правда, оба хохотали до слёз, но всё это было странно. Как будто Семён нашёл в волке часть своей души, а волк принял его в свою стаю.

А затем случилась та страшная ночь: пьяные чинуши из города, на своих машинах приехали на рыбалку и охоту без ведома деда. Они расположились на берегу озера там, далеко, где уже кончалась территория заповедника. Недалеко от того места была нора волка и его волчицы, у них появился первый щенок. Никто не предвидел беды. Только внук в эту ночь никак не мог уснуть и всё выходил на крыльцо, выглядывая своего волка.

Утром, Семён пошёл с обходом и наткнулся на страшную картину: нора волка была разрушена, на земле были пятна крови, стреляные гильзы и клочья шерсти на кустарнике. Дед никогда не видел Семёна в таком состоянии, он молчал сутки, а на рассвете позвал деда с собой на обход. Когда он показал ему то место, деду всё стало ясно. Но что он мог сделать? Дед закрыл глаза, скрывая боль, и положил руку на плечо Семёна, а тот вдруг прижался к нему сильно-сильно и зарыдал. Так он плакал всего один раз в детстве, когда ему сказали, что нужно будет переезжать в посёлок, чтобы ходить в школу. После тех слёз было принято решение: никаких переездов, просто учиться Семён будет на дому. Ту проблему они решили быстро, в этот раз уже ничего нельзя было изменить.

С того дня Семён каждое утро уходил на дальние участки – искал волчицу и её детёныша, он верил, что они должны были выжить. И ведь нашёл. Дед терялся в догадках, как внуку это удалось, но у тайги – свои правила.

А теперь его самого нет уже вторые сутки.

Аннушка вся будто сжалась, стоя около камина, ждала.

Дед посидел немного, натёрся медвежьим салом, оделся потеплее, собрал с собой спички, шоколад, спирт, лепёшки и соль. Выйдя на крыльцо, взял лыжи и пошёл в тайгу за внуком.

Аннушка выбежала за ним следом, обняла его крепко и прошептала: «– Вернитесь ко мне оба живыми».

Белая снежная сказка укутала тайгу, деревья трещали от мороза, лес замер. Всё зверьё ушло в свои норы, прятались от стужи, даже птиц не было слышно. Всё замело, только порывы ледяного ветра кружили белую порошу. Небо было тяжёлым, свинцовым, того и гляди снова начнётся пурга.

Волчица металась по своей норе, она не могла найти себе места. Человек, что лежал в её норе, всё не приходил в себя. Она не знала, что с ним делать, зато Малыш – всё знал, он чувствовал себя великолепно, будто они уже много раз были вместе. Волчонок растянулся на груди человека и долго, внимательно смотрел ему в лицо, потом с удовольствием облизывал, а затем, свернувшись калачиком заснул.

Она помнила из рассказа волка, что есть и второй такой человек, но он старый и от него пахнет дымом. Значит, он должен его искать, ведь не может же он бросить своего щенка. Волчица чувствовала, что нужно позвать на помощь, она не могла спасти человека, но могла привести подмогу. Она была уверена, что тот второй – его ищет, значит, она должна помочь ему

найти их скорее. Убедившись, что Малыш крепко спит на человеке, и им двоим ничто не угрожает, она подкрепилась принесённым мясом. Затем долго и старательно обнюхивала человека, чтобы запомнить и найти похожий запах, только бы не ошибиться, это будет последняя и роковая ошибка, ведь она должна привести к их убежищу человека. Убедившись, что запах плотно запечатлён в её памяти, Волчица выскользнула из норы.

Итак, она должна определить, откуда он мог прийти. Ручей – территория охоты, вода снимает все запахи, так что он мог приходить из-за ручья. Она помчалась со скоростью ветра в ту сторону. Плохо, что прошёл буран, нет и намёка на следы, но ничего, она найдёт выход и спасёт его.

Холодно, было безумно холодно, она ускорила бег. А вот и ручей, она бежала, что было сил по границе ручья, перепрыгнув его в самом узком месте оказалась на территории охоты – теперь надо быть аккуратнее, здесь уже не её владения, нужно быть очень внимательной. Она бежала вперёд, её гнал инстинкт, быстрее, быстрее. Но ни следа, ни намёка на запах не было. Неужели его здесь не было, нет, этого не может быть. Морозный воздух перехватывал дыхание, выбивая слёзы, что острыми льдинками застывали на шерсти. Она мчалась так быстро, как бежала тогда, в ту страшную ночь. Лапы от гонки по холодному, глубокому снегу стали тяжёлыми, ещё немного, ещё чуточку вперёд – нужно позвать на помощь. Она чувствовала, что силы её на исходе, а ещё предстоит дорога домой. Волчица остановилась посреди белого безмолвия, подняла голову к безучастному свинцовому небу и завывала.

Первый раз она звала на помощь человека.

Всё, теперь назад, иначе все усилия пойдут прахом, она не только не спасёт человека, но и погубит их всех. Она развернулась и изо всех сил бросилась обратно.

Дед шёл на лыжах, стоило чуть оступиться, и он провалился бы под снежный наст очень глубоко. Он знал тайгу и чтит её законы и, если ночью прошёл буран – трое суток в лесу ни зверю, ни человеку делать нечего, снег должен осесть.

Было смертельно холодно, он берёг дыхание, как учили в своё время в афгане, правда, там была безумная жара, ничуть не лучше, чем холод. Дыхание, должно быть равномерным и спокойным, а самое главное медленным, иначе можно обжечь носоглотку, а тогда – кашель и медленная мучительная смерть от удушья. Он шёл уже долго, солнце стояло в зените, а значит скоро пойдёт за горизонт, и тогда опустится темнота, а в тайге после бурана это верная гибель. Надо торопиться. Он ушёл уже далеко за пределы своей территории, перед ним расстилалась белая ровная пустыня. Ни следа, ни звука...

– Где же ты, где ты Сёма, хоть бы знак какой подал. – взмолился дед. Он понимал, что не вернётся домой без Семёна, просто не сможет – он его жизнь, его лучшая часть, его продолжение, он вернёт внука домой даже ценой собственной жизни.

Где-то недалеко завывала волчица...

Волчица неслась изо всех сил, сердце бешено колотилось о рёбра, дыхание рвалось из груди, ещё немного и она упадёт без сил. Она должна вернуться домой, к своим малышам. Она остановилась на всей скорости, чуть не упав. Вернётся к своим малышам? Что за странная мысль? Или... Нет, это действительно так, тот человек – тоже её малыш, она приняла его, и обязана заботиться о них обоих. Собравшись с силами, она стрелой рванула с места...

До её чутких ушей донёлся звук – шорох, тяжёлое дыхание. Она остановилась и прислушалась. За её спиной кто-то шёл по снегу, звук был странный – шорох и скрип, не шаги. Она не помнила, чтобы раньше слышала такой звук. Резко развернувшись, она разглядела вдалидвигающуюся фигуру человека. Она залегла в снег и всмотрелась, человек не шёл, он, словно летел по снегу, что было очень странно. По виду – не охотник... тогда, может это тот, второй, от которого пахнет дымом? Запаха пороха она не учуяла, значит – он не охотится, а ей нужна помощь. Отрицая осторожность, волчица поднялась во весь рост и завывала снова, но так, чтобы человек её увидел и услышал.

Услышав вой, дед напрягся, волки в эту пору из нор не выходят, значит...

Ему некогда было думать, что это значит, но он ускорил свой шаг в направлении донёсшегося звука. Сейчас он не только услышал призыв, но и увидел волка. Зверь был ещё далеко от него, но он рассмотрел, что это огромная белая волчица, и что ещё удивительнее – она не двигается с места, как будто ждёт, что он её заметит.

Вой... Она не созывала к охоте, она звала на помощь, но кого, его? Забыв об осторожности, дед прибавил шаг. Волчица как будто дожидалась его приближения, а потом понеслась вперёд.

Дед всё понял – она звала его, показывая дорогу. Он бежал изо всех сил, забыв беречь дыхание, слёзы катились у него из глаз и превращались в льдинки, ноги свело от напряжения, но он не сбавлял шага, стремясь успеть за той, кто указывала ему путь.

Только бы не упасть, только бы успеть. Он не помнил, сколько прошло времени и сколько вёрст он отмахал, волчица всегда бежала впереди, но так, чтобы он мог её видеть. Вот и пригорок, и ручей перед ним, вот то место, куда ходит внук чтобы покормить Малыша. Но где же он?

Волчица остановилась на пригорке и глухо зарычала. Дед остановился. Она предупреждала его, но о чём? Так они и стояли смотря друг на друга, будто испытывая на прочность. Потом волчица спрыгнула вниз и исчезла из виду. Дед очень осторожно пошёл за ней. Так вот оно что! Пригорок – старая берлога огромного буроого, а теперь – нора волчицы...

Он обошёл пригорок с другой стороны, как надёжно укрыта нора, никогда не догадываясь, что там кто-то есть... Кто-то. У деда зашло сердце, из норы доносилось дыхание. Дед аккуратно опустился на колени, волчица, по всей вероятности, ушла вглубь берлоги, а здесь около входа лежал его внук. Дед протянул руку, чтобы ощупать тело, но тут его кто-то сильно тяпнул. Он отдернул руку и увидел маленького волчонка, что лежал на груди его внука, рычал и скалился. Из глубины норы донеслось грозное рычание и волчонок, поскуливая отошёл от человека. Дед снова протянул руку коснувшись Семёна. Тёплый, дышит, пульс ровный – живой. Дед даже заревел от облегчения. Он аккуратно стал вытаскивать внука из берлоги. Как же она его туда затащила, как у неё сил хватило, ведь Сёма крупный мужчина...

Так, надо собраться. Мало вытащить внука из берлоги, он без сознания, а значит, им предстоит долгий путь домой. Нужно поберечь силы, восстановить дыхание и согреться. Дед встал, сделал три глубоких вдоха, задержал дыхание и восстановил сердцебиение. Спирт – один глоток спирта и полплитки шоколада для восстановления сил. Самое важное найти сухой валежник, чтобы соорудить волокуши. Он пошёл в сторону ручья, кажется, там он видел хорошую разлапистую ель. Шоколад и спирт сделали своё дело, мысли были ясные, теперь он знал, что делать, самое главное – внук жив.

Волчонок беспокоился и всё время лез на своего нового друга, Волчица еле его сдерживала, ребёнок, капризничает как из-за игрушки. Она услышала, что человек пошёл в сторону ручья. Что он задумал? Она забеспокоилась. Нет, он не причинит вреда, но она должна убедиться, что он не бросит их. Она вышла из норы и Малыш тут – же занял своё излюбленное

место на груди человека. Волчица смотрела как старик срывает ветви с дерева, далеко не ушёл, значит вернётся. Успокоившись, она вернулась в нору. Малыш блаженствовал на груди лежащего человека, чья рука поглаживала животик волчонка.

Очнулся. Волчица попятилась, но человек повернул к ней голову и одними губами прошептал: «– Не бойся». Она не понимала слов, но почувствовала смысл того, что он говорил ей. Волчица замерла недоверчиво глядя на человека, а он снова закрыл глаза. Она подошла поближе и обнюхала его, потом лизнула запёкшуюся рану на лице. Человек снова открыл глаза и их взгляды встретились.

Вот, вот то, о чём говорил ей волк, она прочла в его глазах не страх, не злость, а любовь и боль потери. Он также, как и она тоскует по нему, он любил его всей душой, и носит в себе часть души её, нет, их Волка.

Волчица пристально смотрела в глаза человеку, всё верно, она приняла его уже давно, отныне – он часть её стаи.

Малыш наслаждался лаской – никакого страха, вёл себя как глупый пёс, которому чешут ухо, а он дёргает лапой. Он лежал на груди человека, а тот гладил его рукой. Малыш сваливался, потом забирался обратно, подлезая головой под руку, чтобы продолжить ласку. Он был счастлив, теперь у него появился большой и сильный брат, и пусть он иногда лакает из его миски, но только немножко.

Пусть будет так, решила волчица, видимо этого и хотел Волк.

Дед соорудил носилки, теперь осталось аккуратно переместить внука на них и волоком тащить к заимке. Он подошёл к норе и опустил на колени чтобы вытащить внука. Протянув руку, он наткнулся на тёплую шерсть, и тут-же получил укус. Дед засмеялся, Малыш не давал обиду своего нового постояльца. И тут его ладонь схватила рука.

– Очнулся. – прошептал дед и потихонечку начал вытаскивать внука из берлоги. Из норы донёсся приглушённый рык, а потом тихий обиженный скулёж. Малыш не хотел расставаться с человеком. Дед бережно тянул внука к себе, Семён тихонько постанывал.

– Ничего, ничего! Потерпи Сёма, – шептал дед, – надо поторапливаться, нам ещё предстоит дорога домой.

Дед ощупал тело внука: переломов нет, обморожен, но не смертельно, под шапкой была запёкшаяся струйка крови, но это всё потом. Главное – жив, а дома Аннушка его быстро на ноги поставит. Он всмотрелся в измождённое лицо Семёна, и улыбнулся ему сквозь слёзы.

– Деда, – прошептал Семён и снова закрыл глаза, потеряв сознание.

Волчица. Она спасла его внука, спасла человека, уберегла и укрыла от пурги, согрела своим теплом, но почему она так поступила, дед терялся в догадках.

Он укрыл Семёна сплетёнными ветвями ельника, взялся за ствол и очень аккуратно стал прокладывать себе путь по снегу. Дело было не из лёгких, лыжи спокойно выдерживали вес одного, но с такой тяжестью нагрузка на них увеличивалась, и они проваливались под снег. Ничего, всё будет хорошо, он доставит внука домой.

Отойдя на небольшое расстояние от волчьей норы, дед обернулся. Волчица и её щенок стояли на пригорке, и смотрели им вслед. Не ожидая от самого себя такого, дед поклонился Волчице до земли и сказал: «–Спасибо». Он не сомневался, она поняла его.

Время, как долго тянется время в ожидании. Нет ничего страшнее неизвестности и страха за родных, близких и любимых. Аннушка не находила себе места от беспокойства. Она уже перемыла весь дом, приготовила обед и ужин. Снова и снова хваталась то за стирку, то за уборку, то за пироги. Ей необходимо было чем-то занять эти страшные часы ожидания.

Всё. Сил ждать больше нет – сердце заходится и стучит где-то в области горла, не хватает воздуха, грудь стиснула жгучая боль. Солнце садится, время на исходе. Решение. Нужно принять решение. Именно решение делает человека человеком, решение либо ждать, либо действовать.

Анна решительно встала, проделала всё то, что делал рано утром дед, оделась потеплее и подбросив поленьев в печь, вышла из дома. Ей было неважно куда идти – главное идти. Ветер тут – же сбил дыхание, из глаз покатались слёзы, ничего, не смертельно. Смертельно – это сидеть дома и ждать неизвестности. Она окинула взором запорошенное снегом поле, хорошо, что метели не было – вот и следы от лыж деда, она пошла по ним. В голове билась одна мысль – найти, неважно где и как, главное – найти их обоих. Идти было невыносимо тяжело, она вдруг вспомнила, как в школе её учили бегать на лыжах, как это было давно. Здесь тайга, а не школьный стадион с примятым снегом, спасало только одно – дед успел проложить лыжню, следовательно, ей идти легче, чем было ему. Скольжение, она вспоминала, как легко она делала это в молодости, сейчас – всё сложнее, но она должна. Нет, не должна – долг это из другого фильма, она хочет, она желает всем сердцем и душой найти своих любимых, тех, кто стал её миром, спас от гибели, стал смыслом её жизни. Она скользила легко и стремительно, и пусть сердце колотилось о рёбра, из глаз текли слёзы, а ноги стали ватными – цель...

Дед шёл тяжело, волокуши, сооружённые из пушистых лап ели, скользили мягко, бережно неся тело внука. Живой, живой – всё, что было нужно знать в эту минуту. Несмотря на пронзительный холод и поднимающуюся метель, на склоняющееся к горизонту солнце, несмотря на усталое тело, что «вопило» от боли и усталости – живой, вот что главное в этой жизни. Он шёл по проложенной им же лыжне – так идти было гораздо легче, он уже не проваливался под снег так глубоко, как в начале. Теперь домой, с тем, кого любит больше жизни, к той, кто стала смыслом его жизни. Домой, туда где горит очаг, где пахнет пирогами и любовью, туда где синие как осеннее небо глаза будут смотреть с нежностью и говорить всё то, что не может выразить человеческий язык.

Стужа начала пробираться под уставшие кости, замораживать сердце, сбивать дыхание. Только не сейчас, сейчас не его время, он принесёт внука домой, а потом – будь, что будет. Идти было тяжело, руки затекли от долгого напряжения и тяжести – это ничего, – уговаривал себя дед, усталость лишь напоминает о том, что он жив.

Он шёл уже несколько часов, солнце достигло горизонта, ещё немного и тайгу накроет беспроглядная тьма. В голове шумело от усталости, руки онемели, но всё также цепко держали самодельные носилки, ведь в них – самое ценное, что есть в его жизни.

Дед остановился, сделал глоток спирта, что сильно ожёг горло, доел шоколад – но на сей раз ни тепла, ни прилива сил – не почувствовал. – Выдохся, – подумал дед и покрепче ухватил ветви. До дома оставалось всего несколько сотен метров. Просто нужно расслабиться, чтобы кровь успела согреть тело и дала сил дойти до дома. Вдруг ему стало тепло, он вспомнил их первую встречу с Аннушкой, как заглянул в её бездонные глаза, а она приветливо улыбнулась ему. Как он мчался к ней с букетом только что сорванных полевых цветов, с отчаянием и без-

надёжностью – примет, так примет, а откажет – значит не судьба. Сделав ещё несколько шагов, дед упал.

Аннушка не просто шла, она летела. Она чувствовала, что они где-то рядом, ей чудилось, что она слышит тяжёлое сбивчивое дыхание. Она ускорила шаг, скорее-скорее, торопила она себя, им нужна её помощь. Солнце почти совсем опустилось, тайгу накрывала ночная мгла. Она, словно летела во мраке, дыхание уже давным – давно отбивало чечётку, но она знала, что цель близка, скорее, только скорее, пока не случилось беды. Началась метель, она кружила, всё больше наращивая обороты, ветер подвывал, деревья трещали. На тайгу опустилась ночь.

Аннушке не было страшно, она давно перестала испытывать какой-либо страх за свою жизнь. Сейчас только ужас грыз её сердце – где они.

Когда-то давно, словно в прошлой жизни, юная, подающая большие надежды, много-обещающая студентка медицинского института, свободно владеющая двумя языками, умница и красавица – встретила своего принца. Он был военным, галантным, подтянутым и чертовски привлекательным. После их первой встречи, вся её жизнь закружилась, как в калейдоскопе. Череда красивых свиданий, ухаживания, цветы, шампанское, жаркие объятия. Предложение руки и сердца стоя на коленях, её счастливое «да», свадьба. Она была счастлива, счастлива, как никогда. Он был её героем, её королём, а она – его королевой. Был. До первой брачной ночи. Сначала он «бил» её только словами. Потом, в первый раз ударил – резко, отточенным движением прямо в живот, но свёл всё к шутке. А затем начались ежевечерние сцены, удары, потом мольбы о прощении со слезами. Она терпела, долго терпела, потому что некому было этого рассказать – родители погибли много лет назад, подругам – не пожалуешься. Она была одна, совсем одна.

Она всё ждала, что этот ужас однажды кончится, и муж изменится, потому что она излечит его душу своей любовью. Она успокаивала себя мыслью, что это происходит от того, что у него много работы и проблем, а она такая неумелая хозяйка, но она обязательно справится.

Через какое-то время, у неё состоялся довольно тяжёлый разговор с деканом факультета, заметившим следы побоев, те, что она так тщательно скрывала. Старый профессор настаивал, чтобы она приняла меры, или развелась с мужем – извергом, боясь, что когда-нибудь это кончится плохо, а она лишь молча кивала головой. А спустя ещё полгода, она поняла, что беременна. Боясь сказать мужу о такой «нежданной радости», она тщательно скрывала плохое самочувствие и отёки. Позже, взяла академический отпуск, чтобы не «позориться» в институте, не видеть укор и жалость в глазах профессора. Когда скрывать очевидное уже не было никакой возможности, вечером, накрыв на стол, расставив зажжённые свечи, надев самое красивое платье, которое муж так любил – она устроила ему романтический ужин с «сюрпризом».

Сюрприза не получилось. После новости, сообщённой ею, последовала череда оскорблений, а потом удар, ещё удар... И мир, рухнув, рассыпался вдребезги на миллионы осколков.

Она очнулась в больнице, рядом с ней, держа за руку, сидел её декан – старенький профессор, и бережно гладил её по голове. Взглянув в его покрасневшие глаза – она вдруг поняла всё: ребёнка больше нет, и, по всей вероятности, уже не будет никогда, и что жизнь, которая так была похожа на сказку с самого начала, превратившаяся в нескончаемую череду кошмаров – тоже кончена. Она плакала молча, не говоря ни слова, не всхлипывая, просто слёзы ручьями катились по щекам. И тогда, старый профессор, чьей любимой студенткой она была, сказал ей: – Уезжай, ты должна начать всё сначала, иначе он тебя никогда не отпустит.

Она поняла, что он прав, как всегда прав.

На следующий день, под покровом ночи, профессор привёз в больницу небольшую сумку с её вещами, деньги, документы, билет на поезд и записку с адресом. Он отвёз её на вокзал, поцеловал, посадил в поезд и сказал, чтобы она позвонила ему, как только устроится.

Через двое суток пути, поздно вечером, она оказалась на глухой станции, где смотрительница баба Глаша, ни слова не говоря, взяла записку, закинула её сумку в телегу и повезла в посёлок.

Утром в сельсовете, устраиваясь на работу фельдшером, оформляя документы, она увидела красивого мужчину, что смотрел на неё во все глаза, и даже не слышал, что ему говорят. В его взгляде она увидела отголоски пережитой боли и что-то ещё, что заставило её сердце подпрыгнуть. Лишь потом, вечером, когда он приехал за ней в больницу, с букетом полевых цветов, она поняла, что в этом взгляде было обещание любви и заботы, неизбывная нежность и чувственность, а самое главное – искренность. Не нужно было слов, обещаний и красивых фраз, его глаза сказали ей всё. Судьба дала ей шанс начать всё сначала. И она решилась, просто отдалась в руки судьбе, незнакомому мужчине – и обрела свободу. Свободу от демонов прошлого, от страхов и боли, обид и страданий, она обрела себя.

Боль, однажды причинённая одним человеком – должна быть залечена любовью другого – это закон сохранения равновесия вселенной.

А теперь, теперь она идёт спасать своё счастье, свою радость и любовь, своих дорогих мужчин, и ей не страшно. И если смерти будет угодно принять их в свои покои, что же, пусть примет их всех вместе, втроём, другого выбора у неё просто нет. Вместе и навсегда, до скончания дней – они дали друг другу эту клятву, и она была нерушима.

Волчица металась по берлоге. Ей было беспокойно. Как этот старик сможет дотащить такого крупного мужчину, если она – сильная волчица, едва-едва смогла затащить его в нору. Нет, он не справится. Погибнет сам, и погубит её «приёмного сына». Она не может этого допустить. Солнце садится за горизонт, поднимается метель, мороз совсем озверел, в лесу стоит треск от промерзающих деревьев. Он не справится один. Она обязана ему помочь... Наказ Волка: «Всегда оберегать тех, кто заботится о тебе».

Решение, она приняла это решение не задумываясь. Насытившись впрок мясом, она придвинула к Малышу остатки листьев и соломы, лизнула его на прощание и стремглав помчалась из берлоги.

Сильное тело слушалось, как никогда. Она летела, как выпущенная стрела, не чуя холода и надвигающейся метели. Ей нужно спасти этих мужчин, как они спасли в своё время Волка, детёныша и её саму. Она не предаст и выполнит данное небу обещание.

Следы, оставленные еловыми ветвями, на которых дед тащил внука указывали ей путь, метель ещё не успела замести следы. Скорее, скорее – только бы успеть.

Перед её взором простиралась лишь заснеженная пустыня, ветер завывая скулил как щенок, мороз крепчал, но это не могло её остановить. Вдруг, впереди она увидела ветви ели, посреди снежной поляны их быть не могло, её сердце учащённо забилося – беда, беда! Она припустила во весь опор.

Старик лежал, упав лицом вниз на ветви, а тот, что в носилках – не шевелился. Волчица взвыла, как будто в самое её сердце вонзили клинок – нет, этого не должно быть, это несправедливо. Подбежав к людям, она обнюхала сначала одного, потом второго.

Молодой, был без сознания, но с ним всё было в порядке, а старик замерзал, и сердце его билось еле – еле. Волчица перевернула старика на спину, затем закрыла его тело от выюги

и стала облизывать ему лицо: «-Вставай, ну же, очнись! Скорее, ты нужен своему щенку, будь мужчиной, очнись!».

Деду снился дивный сон: он, Аннушка и Семён, летом на дальней заимке, на рыбалке. Маленький Сёма шалит в воде и хохочет, а Аннушка, пока внук занят шалостью, украдкой целует его и так горячи эти поцелуи, столько в них чувства и нежности.

– Очнись, очнись скорее... – безжалостно вторгались в его сознание странные слова.

Дед не хотел слышать этих слов и просыпаться, так приятны были Аннушкины поцелуи, так тепло его лицу.

– Очнись...

Дед с трудом разлепил веки. На него внимательно смотрели серые глаза. Не Аннушки, не человека. Волчица смотрела на него пристально и дед, словно «услышал» её мысль:

– Очнись, поднимайся! – требовал её взгляд.

Она согрела его своим теплом, кровь снова побежала к онемевшим членам, сердце забилося сильнее. Он протянул руку, волчица не шелохнулась. Едва касаясь, медленно, он коснулся её головы и провёл рукой по белоснежной шерсти, волчица на секунду зажмурилась, принимая ласку.

– Не бойся, девочка, – прошептал дед, – я тебя никогда не обижу.

Волчица медленно поднялась на лапы и встала рядом с дедом, ожидая пока он поднимется. Дед осторожно сел, силы медленно возвращались к нему. Уже совсем стемнело, медлить было нельзя. Дед достал лепёшку и разломил её на две половины. Одну часть съел сам, другую протянул на ладони волчице. Та глухо заворчала, но угощение взяла. Дед встал, волчица всё не уходила. Он взялся за ветви носилок и потихоньку двинулся вперёд, волчица шла рядом. И тут, из-за дальней полосы деревьев возникло слабое свечение, а потом показалась фигура, что не шла, а словно летела по снегу. Волчица зарычала, а дед только охнул – Аннушка.

Волчица прыгнула вперёд, закрывая собой двух мужчин, прижалась к земле и приготовилась к прыжку...

– Не надо, – прошептал старик, – не беспокойся – это помощь, это моя Аннушка.

Волчица оглянулась на старика и поняв, что им ничего не угрожает, встала рядом с носилками.

Аннушка увидела впереди фигуру мужчины, а рядом с ним огромную собаку. Но собаку ли... Волка. Да, это была огромная волчица, а за ней на снегу что-то лежало. Аннушка ускорила бег, как всё же хорошо, что она захватила фонарь.

Всё, сердце забилося быстрее, всё, они живы, какое счастье! Она даже не заметила, что всхлипывает в голос и слёзы давно бегут по её лицу, всё это было уже неважно, главное, что они живы.

Дед двинулся навстречу жене, волчица шла рядом с ним. Аннушка кинулась на шею старику, обнимала и плакала от облегчения уже навзрыд, а он всё гладил её по спине и успокаивал. Аннушка освободилась от объятий, присела около волчицы и заглянула в её глаза, а та посмотрела в её. Протянув руку к волчице, Анна нежно, едва касаясь провела рукой по белоснежной шерсти, и прошептала: «-Спасибо тебе». Волчица не двигалась с места и даже не рычала, она спокойно приняла ласку и как бы указывая, повернула голову в сторону человека, лежащего на носилках. Анна поняла этот простой жест и подошла к лежащему внуку. Спокойно, без эмоций, как и учили в институте – стала ощупывать голову и тело внука, проверила пульс и дыхание, удовлетворённо кивнув самой себе, повернулась к деду и сказала: «– Идём домой».

Волчица некоторое время постояла, наблюдая за уходящими людьми, что стали теперь частью её стаи, её жизни, её души. Развернулась и растворилась во мраке ночи.

Аннушка и дед очень бережно несли свою драгоценную ношу к дому.

А где-то позади них, во тьме ночи раздался торжествующий вой волчицы...

Шли дни, проходили ночи, зима шла на убыль.

Семён окреп и всё рвался в лес. Аннушка была непреклонна – после такого сотрясения, надо подольше лежать и набираться сил. Семён не спорил, Аннушке никто и никогда не перечил.

Дед каждое утро уходил в тайгу подкармливать Малыша и Волчицу, и приносил внуку новости, что волчонок растёт и крепнет с каждым днём, Волчица уже не рычит, но всё же скалится, когда близко подходишь к Малышу.

Семён всё силился вспомнить, что же случилось в тот день и как он оказался в норе волчицы, да ещё и в буран. В памяти всплывали лишь короткие обрывки, целой картины событий так и не было, сколько бы он не силился вспомнить.

В тот день, он вышел на обход, как обычно – рано утром, на непогоду и намёка не было, около ручья он зачем-то остановился, может, услышал какой-то звук, а больше он не помнил ничего. В памяти остались лишь крошечные моменты, осколки, как в сломанном калейдоскопе – глаза волчицы, пристально смотрящей на него, её рык и сбивчивое дыхание, когда она затаскивала его в свою нору. Хорошо помнил нежную шёрстку волчонка, спавшего на нём, подставлявшего пузико для ласки, и как потом почувствовал руку деда на своей груди. Всё это было странно, более чем странно, неужели кто-то напал на него?

Взгляд волчицы накрепко врезался в его память, будто она заглянула ему прямо в душу и увидела там что-то, что заставило её принять и спасти его. Семён твёрдо знал, что теперь – он часть её стаи и они одно целое, как когда-то было с Волком.

Волк... Как страшно, что не уберёт его от гибели, не смог спасти, как больно, что больше не сможет заглянуть в его умные карие глаза и поговорить с ним... Но Малыш – точная копия своего отца, только ещё очень маленькая копия.

Семён улыбался своим воспоминаниям, как волчонок лез всё время под руку требуя ласки, как внимательно смотрел на него, будто изучая, и какой он пушистый. А как было приятно ощущать его тёплую тяжесть на своей груди. Было – бы хорошо, если Малыш сможет стать для него вторым Волком, если конечно волчица позволит.

Аннушка поила Семёна отварами, заставляла делать гимнастику, а он всё ворчал, что уже давно не ребёнок, и что даже в армии так не издевались с упражнениями, и отжиманиями, но Анна была непреклонна. Семён её слушался, он всегда и во всём слушался Аннушку, да и деда тоже. Они были не просто его семьёй, они были неотъемлемой частью его души, его лучшей частью.

Как-то вечером, сидя за столом, завели беседу о происшедшем в буран, дед не удержался и задал мучившей его всё это время вопрос, почему волчица, когда к ней подошла Анна даже не зарычала. Аннушка подняла на него удивлённые глаза и ответила: «– Она просто увидела во мне волчицу. Так же, как и Волк в своё время признал Семёна, так и она – признала меня». Дед аж крикнул с досады: «– Ну конечно, меня то они за своего не принимают». Аннушка с Семёном долго хохотали над обидой деда, а потом Аннушка подошла к нему, обняла за плечи, прижалась и сказала: «– Хороший мой, не сердись! Просто ты – уже мудрый волк, и можешь стать соперником, а мы – их стая, а в стае – всегда только один вожак, и это Волчица».

Семён любил наблюдать за Анной и дедом. Ему нравилось смотреть, как они говорят, как-бы невзначай нежно касаются друг друга. Как Аннушка успокаивает деда всего одним словом, простым движением, сколько в их прикосновениях любви, ласки, тепла и заботы, сколько нежности в их взглядах, когда они смотрят друг на друга. Какие они счастливые, и как хорошо, что они у него есть.

Семён очень хорошо помнил своё детство до появления на заимке. Тяжёлую болезнь мамы, вечерние пьяные скандалы отца, и что не было никого, никого, кто мог бы о нём позаботиться, как он тихонько плакал ночами в подушку, чтобы отец не услышал. А потом мамы не стало. Короткое время он жил у неизвестной бабушки – матери отца, но та быстро от него избавилась, отвезя к отцу и заявив, что ей некогда возиться с его отпрыском. А потом отец собрал его вещи, и они поехали в поезде. И маленький Сёма всё пытался доказать отцу, что он сильный и смелый, и что он ни капельки не боится, и может сам за собой ухаживать. Но отцу было всё равно, он даже не смотрел в его сторону, а пил в соседнем купе. Семён очень старался понравиться отцу, чтобы он не отдавал его чужим людям, ему было очень-очень страшно. Мужчины, ехавшие в том же купе, что и они, подкармливали Семёна, знали, что он голодный. А один раз на полустанке даже купили ему пирог с капустой и мороженое, как он был счастлив – так это было вкусно. В тот же вечер, он нечаянно услышал разговор отца с соседом, тем самым, кто покусал Сёме пирог.

Семён усиленно делал вид, что глубоко спит, а сам вслушивался в каждое слово. Сосед высказывал отцу, что так вести себя с детьми нельзя, что он не отец, а просто свинья. И тогда отец сказал, что везёт «сдавать» Семёна своему отцу, которого последний раз видел, когда ему было семь лет. И что ему вообще всё равно, что будет с мальчишкой, так как он ещё молод и ему надо самому устроиться, а дети ему не нужны – лишняя обуза.

После этих слов сосед очень сильно ударил отца. Семён хотел сначала заступиться, но потом вдруг понял, понял всё, что не хочет, чтобы этот человек был ему отцом, и что он сам никогда не будет таким, как он. И тогда, маленький Сёма решил для себя, что будет жить со своим дедом, который живёт в тайге, и не будет его расстраивать, а станет ему настоящим помощником, и будет сильно-сильно любить его, чтобы и он любил его. А ещё он будет заботиться о зверях, что живут в лесу, чтобы они тоже могли любить его. И он больше никогда не назовёт отцом человека, который предал его.

Когда Сёма впервые увидел деда, заглянул в его растерянные глаза – почувствовал, что дед не просто хороший, а очень хороший. А когда протянул ладошку, взяв деда за руку – он её не отдернул, а очень нежно пожал, так они и пошли, держась за руки к большой машине деда. В тот момент Сёма понял – этот человек, никогда его не предаст.

Аннушка, Семён любил её до слёз. Она заменила ему не только мать, бабушку, строгую учительницу – она заменила собой весь мир. Она пела ему песни, рассказывала сказки и чудесные истории на ночь, учила говорить по – французски и английски, а Сёма всё хохотал, потому что не понимал, как Аннушка может говорить на трёх языках одновременно и ничего не путать, а главное – понимать, что она говорит. Сам-то он всё время путал все слова на всех языках, отчего уже хохотала до слёз Аннушка. Он любил, когда она садилась около него на кровати, что сделал из старой сосны дед, нежно гладила по голове, обнимала и целовала на ночь. В эти моменты он был счастлив. А ещё он очень любил помогать ей по хозяйству. Ему нравилось всё делать вместе с Анной – «ставить» тесто и смотреть, чтобы оно не «сбежало», стряпать пироги и измазываться в муке с ног до головы, а потом долго с кряхтением «замывать» следы безобразия, что они вместе натворили в кухне. Семён любил их большой деревянный дом, он вкусно пах мхом, и как будто был живым. Он часами мог рассматривать рисунок на брёвнах, и всё никак не мог взять в толк, почему, если дерево одно, то рисунок у него разный, неужели

дерево само в себе рисует. Весной брёвна становились ярко – жёлтыми, янтарными, и всё казалось, что это солнышко его подсвечивает изнутри, а зимой, когда были морозы – дом кряхтел и постанывал, будто жаловался, что замерзает. А когда у Семёна появилась собственная комната на втором этаже, что специально оборудовал для него дед, его счастью не было предела. Он обожал, засыпая смотреть в большое окно, сквозь которое светила луна, рассматривать звёзды и могучие кроны деревьев. Ему нравилось слушать, как тихо шелестит дождь, или с лёгким придыханием падает снег. Он любил солнце, что будило его по утрам, раскидывая солнечных зайчиков по стенам его комнаты. Он любил мир вокруг него и неустанно находил в нём что-то новое и восхитительное.

Сёма обожал деда, он брал с него пример во всём – старался быть таким же серьёзным и внимательным, запоминать всё, что говорит и делает дед, как ходит по лесу, ухаживает за зверьём и деревьями. Он очень любил рассказы деда о «Законах тайги», и с детства выучил, что если ты заботишься о ком-то, или чём – то, это вернётся к тебе сторицей. Если ты будешь чист сердцем и открыт душой, то природа разрешит тебе понять её, и станет сама заботиться о тебе, надо лишь только быть Человеком.

Позже, во время службы в армии, эти правила сослужили ему хорошую службу. Он был силён, вынослив и абсолютно спокоен, при нём никто не решался ругаться, даже обряда «посвящения в зелёные» просто не рискнули проводить. Его уважали, с его мнением считались, но больше всего любили отправлять Семёна на кухню, там он отстранял от работы поваров и готовил сам – для вечно полуголодных солдат его стряпня была райским наслаждением. Ему несколько раз предлагали остаться в армии и сделать военную карьеру, но Семён наотрез отказался. Всё о чём он мечтал – это скорее вернуться домой, в свой лес, подальше от людей, их жадности и ненависти. И вот он дома, в своём лесу, со своей семьёй – и он счастлив. Да, он не смог уберечь своего Волка, но он сохранил его семью и Малыша.

Волчонок тосковал по своему новому другу. Каждое утро, пока спала мама, он, что было сил бежал к ручью, к своей миске молока, но Его там не было. Странно, миска была, а вот его не было. Зато там был старик, что пускал дым изо рта. Волчонок не любил запах дыма, но разрешал старику потрепать его за ушком, он хотя-бы не пил его молоко.

Малыш всё ждал, когда же придёт его «большой брат», так было здорово спать на нём, и чтобы он гладил животик, а ещё было интересно смотреть в его глаза – они были такие странные и глубокие. Малыш чувствовал, что Он его очень-очень любит, почти как папа. Скорее бы он пришёл, тогда Малыш научил бы его по – настоящему охотиться, как учила его мама, и бесшумно ползать на животе, и рыть ходы, и ловить глупых птиц.

Волчица видела, что старик приходит каждое утро, приносит молоко волчонку. Несколько раз он подходил к норе, приносил ей хорошие куски мяса – благодарность за спасение своего «щенка». Волчица хорошо понимала, что спасла жизнь человеку, но также она знала, что этот человек – часть её стаи, и она будет о нём заботиться, чтобы не случилось, теперь он и её щенок тоже. Она видела, что Малыш тоскует о нём, но ей даже самой себе было страшно признаться, что и она скучает по нему. Ничего, скоро зима пройдёт, унесёт с собой метели и морозы, настанет время первой охоты Малыша, и придёт Он, вот тогда, возможно, она тоже возьмёт его на охоту. Она – Волчица, и должна научить своих детёнышей настоящей жизни и честной охоте, скорее бы пришла весна...

Прошёл февраль с его буранами и метелями, скрипучим морозом и ледяным ветром.

Подходил к концу март, унося с собой вьюги и промозглый холодный ветер, что пробирал до самых костей, залезая в каждую щёлочку, доставая до самого сердца. Снег стал рыхлым и тяжёлым, оседал медленно, как будто нехотя, покрываясь к утру острой ледяной коркой.

Солнышко всё чаще показывало молодые, робкие лучики, что потихонечку, будто стесняясь отогревали деревья, землю и замёрзшие за зиму души.

Семён уже был, как загнанный зверь – рвался в лес, но Аннушка была непреклонна. Впервые в жизни Семёна решил послушаться запрета и сбежать. Ночью, как заправский партизан, он принёс в свою комнату верхнюю одежду, чтобы рано утром, пока Аннушка ещё не проснулась, ускользнуть от её всезнающих синих глаз к своим волкам.

В четыре утра, Семён, как шпион, в полной темноте оделся и бесшумно стал спускаться вниз. В доме всё было тихо, раздавалось мерное посапывание деда, да стук старых настенных часов с кукушкой. Семён, убедившись, что всё спокойно, прокрался на кухню и только протянул руку, чтобы взять кувшин молока, как тут же зажёгся свет.

За столом в полном лесном облачении сидел дед, возле него стояла улыбающаяся Аннушка, стол был накрыт.

Семён, аж сел от неожиданности.

– А я тебе давно говорил, что он выздоровел – ухмыляясь проворчал дед.

– Конечно, – съязвила Аннушка, – но я же врач, я должна была в этом убедиться. Теперь – полностью довольна. Здоров, и может бежать к своим волкам.

Семён непонимающе переводил взгляд с одного на другого, и не знал – радоваться ли ему, или обижаться. Ведь он давно уже был здоров и полон сил, но из уважения к ним – оставался дома. А теперь выясняется...

Аннушка подошла к Семёну, обняла его за плечи и прижав к груди прошептала:

– Не сердись, я действительно должна была убедиться. Теперь вижу – ты здоров и полон сил, раз сбегаешь один в темноте. Она поцеловала его в макушку и взъерошила его волосы, как часто делала в детстве.

– Завтракайте, а потом бегите по своим делам, лешие вы мои...

Плотно позавтракав, взяв с собой побольше «вкусностей» для своих волков и кувшин молока с ложкой дикого мёда для Малыша, Семён помчался в лес. Дед предложил подвезти его на вездеходе, но Семён отказался. Слишком долго он не был в своём лесу.

Ему хотелось пройтись, подышать свежим морозным воздухом, «поздороваться» со старыми вековыми соснами, «спросить» как они пережили остаток зимы без него. И пусть идти было тяжело, ноги то и дело проваливались под снежный наст – для него это было наслаждением – снова ощутить свободу и единение с природой, почувствовать себя хозяином леса, расправить плечи и дать телу почувствовать собственную силу, стать тем, кто он есть на самом деле – свободным волком.

Солнце медленно показалось на горизонте, поднималось едва-едва, как будто ещё не отошло ото сна и всё ещё потягивалось. Лес начал оживать и просыпаться. То тут, то там раздавались первые трели разбуженных птиц, ещё немного и над головой зашумят тысячи и тысячи крыльев, это «деловые птичьи родители» полетят по своим важным делам – добывать пропитание, «стройматериалы» для новых гнёзд.

Семён любил весну. Весь лес словно пробуждался от длительного холодного сна, и спешил наверстать упущенное им время. Ещё далеко до капли и звона ручьёв, но первый миг пробуждения – он так сладок. Всё кажется, что деревья, отряхнувшись как старые псы, скинут с себя выпавший за ночь лёгкий снег. А величавые гордые лоси будут медленно шествовать,

прокладывая путь себе и своим новорожденным отпрыскам, наклоняя друг к другу головы, словно приветствуя, как чинные господа.

А вот и ручей, что, просыпаясь пробивает себе дорогу сквозь тонкую корочку льда. Ещё чуть-чуть, и он дома. Дома... Какая странная мысль, вряд ли берлога старого медведя – его дом, но он чувствовал родство с этим местом. Сейчас он услышит знакомое повизгивание, обнимет своего пушистого волчонка, а потом пойдёт проведать свою спасительницу, вторую мать. Как всё странно, наверное, у нормальных людей нет таких ощущений. Но ведь он... Он «лесной», поэтому ему можно. Улыбнувшись своим мыслям, Семён перепрыгнул ручей в самом узком месте, протёр миску Малыша снегом и налил туда свежего молока.

И вдруг, сзади на него кто-то набросился...

Оказавшись лицом в снегу, прижатым к земле, Семён сначала решил обороняться, и уже было занёс руку для удара, но услышал хриплое дыхание и радостное повизгивание. Малыш.

– Малыш! – заорал Семён, тут же набрав полный рот снега. Он попытался перевернуться на спину, но не тут – то было, тяжесть, какой он не чувствовал, когда лежал в полуобморочном состоянии в берлоге, и тот вес, что придавил его сейчас, не был похож на маленького волчонка. Все четыре лапы, что не топтались, а просто прыгали по нему – не давали даже сделать вдох, не то, что перевернуться. Тёплое дыхание и мокрый язык залез казалось везде, и в уши, и в рот, и в нос. Малыш, соскучился! Семён собрался с силами и кое-как перевернулся на спину, и тут же оказался под бешеным танцем радости всех четырёх лап серебристого волка, что уже не был маленьким пушистым щенком, который не давал его в обиду тогда, в берлоге. Это был молодой, сильный и довольно крупный подросток, но он узнал его. Узнал его! Семён почувствовал, что подступившие слёзы щиплют глаза, он обхватил руками это беснующееся на его животе чудо, обнял за шею и изо всех сил прижал к себе. Зарывшись носом в пушистый мех, он поцеловал волчонка в красивый чёрный кожаный нос и сказал: «– Привет, Малыш!»

Малыш всё не давал Сёме подняться, он всё скакал и скакал по нему, облизывая всё, до чего мог дотянуться – лицо, руки, шею. Семён был счастлив.

Да... Дед видимо забыл сообщить, что волчонок теперь довольно большой, и запросто «завалит» молодого лося.

За спиной раздался приглушённый рык. Малыш остановился и, наконец дал подняться своему гостю. Семён, кое-как охая сел. Перед ним стояла Волчица. Она была великолепна. Семён ещё никогда не видел таких красавиц. Огромная, с белоснежной, пушистой шерстью и глазами цвета зимнего неба. Она стояла перед ним гордая и свободная, сильная и смелая, королева тайги, супруга Волка, мать Малыша.

У Семёна перехватило дыхание.

Она внимательно смотрела на него, а он глаз не мог от неё отвести. Потом, что-то до боли знакомое мелькнуло в её взгляде. Семён протянул к ней руку, и шепнул:

– Ну, здравствуй, спасительница.

Волчица подошла ещё ближе, всего на один шаг и лизнула его в лоб. Семён ошалел – она его поцеловала. Понимая, что это не сон, а реальность, и что волки – далеко не собаки, забыв об осторожности, подчиняясь лишь внутреннему инстинкту, Семён бросился ей на шею крепко обняв. Она стояла спокойно, не шелохнувшись, лишь положила голову ему на плечо, а он не смог сдержать эмоций – слёз счастья и любви. Она спасла ему жизнь, не предала его, она его не забыла. Волчица сделала всего один шаг навстречу человеку, шаг – длиною в жизнь, она приняла его своей душой и всем сердцем.

Верность зверя человеку безгранична.

Шло время. Кончился март, пришёл апрель. В тайгу неспешно шла весна, вот и зазвенели первые капли, снег осел, и из-под корней вековых сосен весело побежали ручейки. То тут, то там – навстречу солнцу пробивались первые крохотные зелёные стебельки. Солнце игриво раскидывало свои лучи в самые потаённые уголки леса, согревая и даря радость новой весне, новой жизни.

В лесу стоял шум и гам, птицы на все голоса пытались перекричать друг друга, казалось, что в каждом гнезде, в каждом дупле, норе и берлоге произошло прибавление.

Весна – новая жизнь, новая песнь, новая любовь, новая радость.

Семён был готов целыми днями носиться по лесу и так бы и сделал, если бы не Аннушка. В их маленькой семье царил закон: ужин по расписанию в восемь, и за столом должны быть все члены семьи. Для пропуска ужина уважительных причин не существует.

Дед ворчал, что у него горячая пора – работы непочатый край, и он просто не успевает, но поймав строгий взгляд Аннушки, понутив голову, послушно плёлся мыть руки.

Аннушка обожала «собирать» семью, своих дорогих мужчин за огромным круглым столом и потчевать их разными вкусностями. Она была мастерицей печь пироги и сладости. Семён периодически жаловался, что скоро не сможет ходить, а будет кататься как колобок по лесу, но Аннушку ничто не могло смутить:

– Сколько за столом посидишь – столько в раю побываешь, – говорила она и подкладывала Семёну очередную порцию пирога.

За тихими, неспешными беседами коротали вечера, обсуждая какой приплод молодняка в этом году, какие подготовить запасы, сколько старых деревьев повалить, чтобы ненароком зверя не «пришибло». Потом, как бы невзначай, Аннушка начинала напевать, Семён брал гитару и аккомпанировал ей, подключался дед и ночь встречали песнями. Позже, после застолья и песен, дед выходил на крыльцо подымить своей трубкой, Аннушка садилась у камина, что специально для неё соорудил внук, и принималась за вязание. А Семён занимал своё излюбленное место у ног Аннушки, как с детства повелось, и вырезал из старого топляка фигурки зверей, либо читал. Мирно, спокойно, душевно и так тепло.

Семён с дедом занялись стройкой, решили построить крытую веранду, чтобы тёплыми летними вечерами сидя в креслах – качалках наслаждаться красотой заходящего солнца.

Аннушка только руками разводила, и так дом огромный – два этажа, летняя кухня, веранда, баня огромная – куда столько. Но мужчины были непреклонны, им так хотелось её порадовать, сделать подарок, чтобы ей было комфортно и уютно.

Дел в лесу было невпроворот. Семён с дедом поделили территорию поровну, и каждый занимался своим участком. Уходили рано утром, пока солнце не встало, возвращались только к ужину, уставшие, голодные, но счастливые.

С самого утра Семён сначала мчался к берлоге – там его ждал Малыш. Волчонок рос просто ежесекундно, превращаясь в точную копию своего отца. Они вместе носились по лесу, потом бесшумно подкрадывались к поляне, охотясь на зазевавшихся птиц, в общем, играли и шалили, как малые дети. Волчица наблюдала за их вознёй и тихо покашливала. Сначала Семён решил, что она простудилась и попробовал дать ей плошку молока, но увидев сердитый

оскал – немедленно ретировался. Волчица встала, окинула его недовольным взглядом, повернулась спиной и гордо ушла. Семён понял, такие номера с ней не пройдут – хозяйка здесь она. Спустя какое-то время, когда они опять «дурили» с Малышом катаясь по земле, Семён снова услышал знакомое покашливание, повернул голову и увидел – волчица, наблюдая за ними – смеялась. Да! Именно так, она смеялась. Её глаза улыбались, а этот кашель был ничем иным, как смехом. Заметив, что её «раскусили» Волчица для приличия рыкнула, нервно передёрнулась и, спрыгнув с пригорка, растворилась в чаще. Малыш рванул за матерью, а Сёма помчался по своим лесным делам.

Дни летели за днями. Всё было прекрасно, жизнь шла своим чередом. Браконьеров не было, и лес, казалось радовался весне, свободе и безопасности.

Волчица учила премудростям охоты Малыша, но тот, к удивлению матери, охотился лучше, чем она. Волчонок становился очень крупным, сильным и выносливым несмотря на то, что был ещё подростком. Он унаследовал от отца серебристый оттенок шерсти, карие глаза и блестящий чёрный кожаный нос. Волчица очень гордилась им, своим щенком, но ещё она очень гордилась и своим «приёмным сыном». Она видела сколько ласки и заботы в его глазах, и чувствовала его безграничную любовь к ним с Малышом. И ещё она точно знала, что он столь же чист и открыт душой, как настоящий волк, он не предаст и будет верен стае до конца своих дней.

Ей нравилось наблюдать за играми волчонка и человека, смотреть, как они осторожно бродят по лесу бок о бок высматривая добычу, как доверяют друг другу. Для неё это было столь же необычно, насколько странно осознавать, что теперь человек – часть её стаи. Наверное, в своё время, её Волк также ходил рядом с этим Человеком.

Волк... Как больно, что она больше никогда не почувствует его тепла, не помчится рядом с ним лапа к лапе, никогда не проснётся с ним рядом... Теперь, он смотрит на неё с небес, и когда-нибудь, когда придёт её время – она поднимется к нему, туда, к звёздам, где он несомненно ждёт её, и дальше по млечному пути они пойдут уже вместе...

В последнее время Аннушке было как-то беспокойно на душе. Вроде бы всё хорошо, мужчины в лесу, территория под присмотром, нет никакой опасности, но какое-то дурное предчувствие грызло её изнутри. Она всё успокаивала себя, что это просто весна, что всё это ей просто кажется, но сердце подсказывало, что всё далеко не так безмятежно.

Семён и Дед совсем сбились с ног, лёд на реке уже давно сошёл, но местами оставались большие льдины, на которые любили забираться юные рыболовы – медвежата. Льдины уносило от берега, и горе-рыболовов приходилось вытаскивать из воды. Теперь уже дед ходил по реке на своей моторке, а Семён носился по лесу. Аннушка настаивала, чтобы дед брал с собой карабин, но дед наотрез отказывался, говорил, что и раньше то его никогда не носил, а сейчас и тем более, иначе зверьё доверие к нему потеряет. Семён вообще близко к ружью не подходил – не любил запах пороха, и всё твердил, что он не охотник, а егерь, а егерю положено зверьё охранять, а не стрелять. Дед, заметив состояние Аннушки, успокаивал, что волноваться не из-за чего. В лесу всё спокойно, до охотничьего сезона ещё далеко, а браконьеров пока не видно – не время им ещё. Аннушка повздыхала, привела ружьё в порядок – почистила, смазала и прибрала его поближе в сени, всё же тревожно как-то на душе...

Их было пятеро и несколько собак. Волчица унюхала их за версту, возможно, это были рыбаки, но запах бензина и пороха всё чаще доносился до её чуткого носа. Волчица насторожилась. Опасность. Пока они у реки – ей с Малышом ничего не грозит, но если они двинутся в лес...

Малыш носился, что есть сил за жуками и птицами, всё же ребёнок, хоть и крупный. Волчица призвала его. Малыш обиженно вернулся в нору, ведь он только начал играть, а тут опять «домой загоняют». И «большой брат» придёт только завтра, и спать ещё рано, почему мама так волнуется, и тут он почувствовал: это был странный запах, от которого шерсть вставала дыбом и становилось жутко. Так пахли те люди, что вели охоту на зверей. Малыш глухо зарычал, ему не нравился этот запах опасности и смерти.

Семён вернулся домой к ужину несколько встревоженный. Он никак не мог понять, что его беспокоит, но места себе найти не мог. Он всё метался из комнаты в комнату, и чтение не помогало, и баня не спасла. Его что-то тревожило. Дед внимательно наблюдал за ним из-за стола, а потом позвал с собой на крыльцо.

– Выкладывай, – решительно заявил дед.

Семён постоял, подумал, и сказал, что рассказывать нечего, кроме того, что ему неспокойно. И вроде бы на заимке всё тихо и гладко, и даже капканов ещё ни разу не видел, а вот чувствует, что что-то не так. Дед внимательно посмотрел на него и велел на всякий случай подготовить снаряжение, вдруг придётся среди ночи на обход идти. Семён кивнул и ушёл в свою комнату. А дед «подымил» ещё немного и пошёл проверять машину и снаряжение. Он слишком долго прожил в тайге, чтобы не доверять своим инстинктам, и слишком хорошо помнил ту страшную ночь, когда внук также метался по дому, а наутро, они потеряли своего Волка.

Волчица не спала, сон не шёл – опасность была слишком близко. Люди ходили по лесу, но страшнее было то, что их вели глупые собаки, что запросто могли учуять их след.

Малыш тоже не спал, был настороже – слушал каждый шорох, звуки разговоров. Нет, его «большой брат» пахнет совсем иначе, а эти – от них разит смертью, и говорят они грубо и жёстко, а не так ласково, как его Человек. Где же он? Почему не идёт, неужели он не знает, что здесь ходят злые люди, или ему тоже страшно, а может надо защитить его самого? Тревожные мысли одолевали Малыша, и он никак не мог найти ответа, только видел обеспокоенный взгляд матери. Охотники подходили к их норе всё ближе и ближе. Волчица посмотрела внимательно на Малыша, и дала понять, как только они обнаружат их нору – нужно будет покинуть убежище и бежать туда, за ручей, где вода снимает следы, туда, откуда приходит «большой брат» и бежать нужно очень быстро, во что бы то ни стало. Бежать за помощью к их людям, к тем, кто спасут от беды. Малыш всё понял, он был готов.

Лай собак и раззадоривающие собак выкрики были уже совсем близко.

Пора. Две тени, словно выпущенные умелой рукой охотника стрелы, понеслись из-за пригорка в сторону ручья.

Собаки зашлись лаем, они учуяли запах. Один за другим раздались выстрелы.

Аннушка никак не могла заснуть и всё боялась разбудить деда, чувство тревоги возрастало с каждой секундой всё больше и больше. Она тяжело вздохнула, дед повернулся к ней и спросил:

– Тоже не спишь?

– Не могу. – ответила Аннушка и встала.

Часы на стене пробили два часа ночи. Аннушка пошла на кухню заваривать травяной чай, дед тоже встал и оделся, сверху спустился Семён.

– Так, – сказала Аннушка, – всё семейство в сборе, сначала всем по чашке лавандового настоя, а потом решим, что делать дальше.

И в этот момент грянул выстрел, затем ещё и ещё. Семён «пулей вылетел» из дома и помчался в лес, дед ринулся за ним.

Семён мчался, не чуя земли под ногами, он бежал к старой берлоге, только бы успеть, только не опоздать. Лай собак свидетельствовал, что браконьеры нашли его стаю. Семён ничего не видел в темноте, ноги несли его сами по заученной тропе. Он должен, он обязан успеть, они не посмеют причинить вред его «семье». Он разорвёт их голыми руками, но не позволит уничтожить то, что ему так дорого. Скорее, скорее...

Это была страшная охота. Собаки гнали волков, люди на вездеходах с криками и улюлюканьем мчались за собаками, фары освещали им путь и двух волков, что бежали лапа к лапе. То и дело раздавались выстрелы, волки, ускоряя бег держались рядом. Людям было весело, для них это было азартное развлечение...

Аннушка, оставшись дома одна без мужчин, что помчались из дома даже без оружия, схватила карабин, ключи от вездехода и побежала к машине. Руки тряслись так, что ключ никак не мог попасть в замок, сердце бешено колотилось. От страха она даже забыла, как дышать. Наконец ключ попал в зажигание, и мотор с глухим урчанием завёлся. Она потеряла слишком много времени провозившись с машиной, ну да ничего, она успеет, успеет! Забыв, что ворота на ночь заперты, Аннушка выбежала из машины, ещё какое-то время провозилась с воротами, когда ей наконец удалось их открыть, она услышала звуки выстрелов. Не помня себя от страха, она села за руль и, не разбирая дороги помчалась в лес.

Малыш бежал рядом со своей матерью, теперь он понимал, что такое страх за того, кто тебе дорог, он почувствовал, что испытывал отец, уводя «охоту» от них с мамой. Нет, ему не было страшно за себя, он боялся за маму, если с ней что-то случится...

Это был бесконечно долгий бег, лапы стали уставать, но собаки и эти страшные визжащие люди догоняли их.

Волчица видела, что Малыш устал, но она будет с ним до последнего вздоха, а если он не сможет бежать дальше, тогда она примет «охоту» на себя, но спасёт его. Она будет рвать зубами этих глупых собак, закроет своим телом своего щенка, но она не даст им погубить его. Почему, ну почему эти люди такие злые и жестокие, почему они не такие как её «приёмный сын»? Она должна позвать на помощь, Он обязательно её услышит и спасёт Малыша. Не сбавляя бег Волчица завывала.

Семён услышал вой Волчицы, он понял – она зовёт на помощь. Справа от него, за грядой деревьев, показался пляшущий свет фар. Ему стало страшно, так страшно как было тем утром, когда он понял, что потерял своего Волка навсегда, он ускорил бег. Ещё немного, звук был почти совсем рядом, сквозь шум в ушах от бьющегося сердца, Семён услышал улюлюканье, лай собак, звук ревящих двигателей и выстрелы, множество выстрелов.

Сквозь весь этот адский шум раздался визг боли и обиженное поскуливание. Малыш. Малыш – НЕТ!!!

Выбежав из дома, дед растерялся – внук исчез, просто растворился в темноте. Понимая, куда помчался Семён, дед побежал к старой берлоге. Он бежал быстро, но внука догнать не мог. Его подгонял страх, страх за Семёна, за волков, он не боялся так сильно ещё ни разу в жизни. Браконьеры – это не охотники, им всё равно в кого стрелять, для них убийство – развлечение. Если они причинят вред волкам – Семён их разорвёт голыми руками, дед это прекрасно понимал и ускорил бег. Скорее, чтобы спасти всех от беды. Сердце сжала ледяная рука страха, дыхание сбилось, ноги перестали слушаться и дед осел на землю. Вдруг, позади него раздался шум мотора и поляну осветил свет фар, дед повернул голову и увидел свой вездеход. О, Господи! Аннушка... Выпрыгнув из вездехода, Аннушка подбежала к нему, в руках у неё был карабин. Быстро осмотрев деда, прощупав пульс, она помогла ему подняться и повела к машине. Дед сел за руль, Анна села рядом, не выпуская из рук ружьё. Машина, набирая скорость скрылась в лесу.

Семёну казалось, что в его сердце вонзили раскалённый добела клинок, настолько нестерпимой была боль от страха потерять Малыша. Он выбежал на освещённую светом фар поляну. То, что он увидел, напоминало кадр из фильма ужасов, но это был его реальный ночной кошмар, а не снятый режиссёром фильм. Посреди поляны в окружении пьяных людей и лающих собак, на земле, под мертвенно бледным светом фар лежала волчица, а над ней закрывая её своим телом, скалясь стоял Малыш.

Судорога свела горло Семёна, Волчица...

Не думая, что он делает, не видя ничего перед собой кроме кровавого тумана, он бросился на стоящих людей. Он пронёсся как ураган, двое упали как подкошенные, третий не успев понять, что происходит рухнул под страшным ударом, четвёртый прыгнул в машину захлопнув двери, а пятый наставил на него пистолет. Семён развёл в стороны руки показывая, что в них ничего нет. Говорить он не мог. Тот, что стоял с оружием, приказал Семёну остановиться и прицелился. Семён продолжал идти на него. И тут на поляну въехал вездеход, из машины кто-то вышел, раздался выстрел.

Спокойный и в то же время пугающе холодный женский голос произнёс:

– Опустит пистолет и на землю.

Целившийся в Семёна хмыкнул и снова навёл прицел.

Прогремел выстрел, из-под ног мужчины вылетел ком земли, он вздрогнул.

– Опустит пистолет, иначе следующая пуля будет твоей, – Анна передёрнула затвор, – я никогда не промахиваюсь.

И тут из машины вышел спрятавшийся в ней человек.

Дед стоял на коленях около волчицы. Малыш метался рядом тихонько поскуливая и всё облизывал морду матери. Волчица еле дышала, страшная рана около самого сердца сильно кровоточила. Дед снял куртку, разорвал рубашку и стал накладывать тугую повязку, чтобы остановить кровотечение.

– Нет, тебе ещё не время умирать, – шептал он волчице, – ты ещё столько не сделала, сейчас не твоё время, когда-нибудь позже ты встретишься со своим волком, но не сейчас.

Он нежно гладил её по голове, из глаз волчицы скатилась слеза.

– Потерпи, потерпи немножко, сейчас отвезём тебя домой, и Аннушка тебя выходит, она у меня «волшебница», ты только потерпи.

Оставив волков, дед вышел на освещённую поляну и встал рядом с Анной, забрав из её рук карабин.

– Иди, ты там нужнее. – сказал он Аннушке, и указал на лежащую волчицу.

Анна, окинув презрительным взглядом стоящих около машин мужчин, ушла.

Семён не двигался с места, смотрел в упор на вышедшего из машины человека.

– Кто здесь главный? – спросил тот и посмотрел на деда.

– Мы. – спокойно ответил дед.

– А что, этот «Маугли» тоже тут командует?

Дед посмотрел на Семёна, перевёл взгляд на с трудом поднявшихся, еле стоящих около машин мужчин, ухмыльнулся и ответил:

– Этот «Маугли» – старший егерь, вы здесь на его территории, и находитесь незаконно, а можете и перестать находиться, всё зависит от него.

– Ты очумел старик, да ты хоть знаешь, с кем ты говоришь, да я полковник, я вас тут всех...

Семён, не двигаясь с места зарычал от злости, огонь ненависти полыхавший в его сердце требовал мести.

– Собирай своё стадо, и вали отсюда полковник, пока беды не случилось. – сквозь сжатые зубы прорычал Семён.

За спинами мужчин раздался возглас Аннушки:

– Скорее, скорее! Мы можем не успеть. Оставьте вы этих нелюдей, пусть убираются. Поехали, нужно отвезти волчицу в дом, скорее!

Дед пошёл на помощь к Анне.

Семён, глядя в глаза полковнику сказал:

– Если моя волчица погибнет, я найду вас всех и каждого, – он обвёл взглядом мужчин, -каждого! Где угодно, куда бы вы не спрятались, и разорву в клочья, а теперь убирайтесь, и чтобы духу вашего в тайге не было, даю время до утра.

Он развернулся к ним спиной и пошёл к деду.

– Я этого так не оставляю! – заорал полковник.

Семён очень медленно повернулся к нему и пристально посмотрел в глаза.

Полковник сделал шаг назад и дал команду «по машинам». Когда он уже сидел в машине, его пробил холодный озноб, взгляд «Маугли» не был человеческим, то был взгляд дикого зверя.

Семён подошёл к деду, очень бережно, на приготовленной Аннушкой куртке они подняли Волчицу и понесли в машину, Малыш бежал рядом. Уложив её на заднее сидение, дед сел за руль, Аннушка села рядом с ним. Волчонок запрыгнул в машину сам и сел около матери, Семён залез следом. Вездеход медленно тронулся с места. Семён всё смотрел и смотрел на свою Волчицу, потом встал на колени и обнял её, Малыш положил голову на руку Семёна, его мордочка была мокрой от слёз.

Выезжая с запретной территории, полковник осознал всю серьёзность ситуации, так глупо нарваться на егерей, да ещё без договорённости «залезть» на охраняемую территорию и даже не в сезон охоты. Это «пахнет» большими неприятностями. А этот «Маугли» – он опасный враг, нет, не враг «хищник», и если его волчица сдохнет, то он этого так не оставит, полковник понял это по его взгляду. Надо думать, что делать дальше, надо исправлять ситуацию, может заехать завтра к ним в дом с подарками, дать взятку, поговорить «по душам». Но, это не тот случай, к этим с взятками соваться бесполезно, а ещё больших проблем навлечь можно. И эта женщина, что-то в её облике столь знакомо – голос, жесты, движения, лицо, взгляд... Взгляд, Анна! Это точно она. Она, его сбегавшая жёнушка, опозорившая мужа на весь военгородок. Ведь он из-за неё чуть не лишился работы и карьеры, когда «старый дурак» профессор заявил, что она потеряла ребёнка не из-за падения с лестницы, а из-за систематических избиений мужа, и как позорно потом было оформлять развод через этого старикана, он так и не сообщил ему, куда делась его жена – предательница. Потом, конечно, всё забылось и улеглось, и нужные люди «словечко замолвили», но сам факт. Так вот оно как, значит теперь она отшельница, надо же, как далеко спряталась, видимо так боялась своего мужа, что удрала в тайгу.

Нет, ехать к ним в дом нельзя, это вообще становится опасно, если она своему нынешнему мужу о нём рассказала, тот ещё пристрелит ненароком. Надо ехать к генералу, да жалобу писать на егерей, что напали на честных граждан, что просто ловили рыбу на берегу реки. Точно, парни то его вон как избиты, любая экспертиза подтвердит избиение, а уж приукрасить историю они смогут, и кому поверят, полковнику, или каким-то дикарям из леса? Полковник улыбнулся своим мыслям. Всё, решено, с утра на вертолёт и в город, и сразу на приём к генералу, а парней в больницу, пусть им там «покрасочнее» диагнозы распишут и «дело в шляпе». Вот так, Анна, лишишься ты своих «защитничков», а мы потом с тобой побеседуем. Настроение у полковника поднялось, он начал тихонько насвистывать весёлую мелодию.

Медленно и очень бережно дед вёл машину по лесной дороге, объезжал ухабы, чтобы не так трясло. Анна сидела рядом, бледная, как полотно и молчала. У деда перед глазами стояла картина – его Аннушка, такой хрупкий полевой цветочек, посреди поляны, в окружении мужчин, с карабином в руках, да ещё и стреляет. Ни страха, ни испуга – отчаянная решительность, как будто это была её война. А голос, какой это был чужой голос, совсем не её. Да, видимо он многого о ней не знает. Но какое счастье, что она у него есть. Она не просто его вторая половинка и спутница жизни – она его опора и поддержка, она равная ему. Дед нежно коснулся её руки и мягко пожал. Какие холодные у неё руки, видимо напряжение дало себя знать. Надо будет заварить ей горячего крепкого чая, чтобы она согрелась, а ещё надо будет

обнять её крепко-крепко и сказать, как сильно он её любит, и как счастлив, что она у него есть. Аннушка прерывисто вздохнула и положила голову ему на плечо.

Семёну казалось, что время остановилось, сам воздух превратился в масло и не даёт дышать. В его объятиях лежало самое дорогое, что может быть у человека, часть его души, часть его сердца. Страх сжал его сердце, боль разъедала душу. Нет, этого не может быть – это несправедливо, она должна выжить, должна – просто обязана, ведь он не сможет жить без неё. Однажды он уже потерял свою мать, но второй потери он не допустит. Она выживет, если надо, то он станет усердно молиться всем богам, лишь бы она осталась жива. И ещё Малыш, как он посмотрит ему в глаза, как сможет объяснить, что «большой брат» не уберёт его мать, как не смог уберечь отца. Нет, этого не будет, так не должно быть, он просто этого не переживёт. Семён медленно повернулся к Малышу и тихо прошептал:

– Всё будет хорошо, мы её спасём, всё будет хорошо.

Волчонок посмотрел на него своими заплаканными бархатными, карими глазками и прижался к его рукам. Семён крепко обнял его: «– Не бойся, я с тобой».

Аннушка очнулась от своих тревожных мыслей, когда муж пожал её руку. Какой он всё же у неё замечательный, как ей повезло, что судьба смиростивилась над ней и подарила его, этого замечательного человека, сильного и нежного, доброго и надёжного, страстного и такого беззащитного. И вот сейчас, рай, в котором они жили двадцать лет – на грани разрушения. Она узнала полковника, узнала с первой секунды, увидев, как он трусливо спрятался в машине от ярости Семёна. Её ад, её кошмар – бывший муж, о котором она забыла ровно на двадцать лет, снова вернулся в её жизнь. Если он её тоже узнал, а он узнал, или узнает – тогда конец их маленькому миру. Анна понимала, что этот человек их в покое не оставит, слишком труслив, жесток и мелочен он был. Он обязательно вывернет ситуацию в свою пользу, даже просто для того, чтобы отомстить за унижение. «Шакал» – так называл бывшего супруга её старый профессор, как он был прав, тысячу раз прав. Надо подготовиться, надо собраться с мыслями и что-то придумать, она защитит своих любимых мужчин от этого «шакала». Сейчас самое главное – волчица, слишком мало шансов, рана серьёзная, но она приложит все усилия, она сделает невозможное, чтобы вылечить её, лишь бы не видеть этой дикой боли и страха в глазах Семёна, он не переживёт второй потери. Осталось только молиться, и вспоминать всё то, чему когда-то давно её учили в институте.

К дому подъехали практически бесшумно, ворота были распахнуты настежь, Аннушка не успела закрыть – не до них было. Дед подогнал машину прямо к крыльцу. Открыв двери, они с Семёном осторожно, без резких движений понесли волчицу в дом, Малыш семенил рядом.

Аннушка отогнала машину на место, закрыла ворота на засов, проверила все замки, и, поставив карабин в сени вошла в дом. Распорядившись положить волчицу на стол, Анна отправила Семёна кипятить воду, деда отправила за спиртом и бинтами, сама ушла переодеваться, нужна операция, значит всё должно быть стерильно. Вымыв руки ледяной водой и окатив их спиртом, Анна подошла к столу. Дед принёс коробку с медицинскими инструментами, Семён, не удержавшись на ногах, осел на пол и обнял Малыша.

Дед, понял, что от Семёна сейчас толку никакого – ушёл готовиться, ведь должен же кто-то ассистировать. Переодевшись во всё чистое, тщательно вымыв руки, собравшись с духом, дед подошёл к Анне:

– Я готов, – он тяжело выдохнул. Аннушка едва заметно кивнула.

Так, надо собраться. Анна на секунду закрыла глаза, вспомнила проведённые ею операции, медленно вдохнула и сосредоточилась на ране. Дед разрезал окровавленные остатки рубашки которой перевязывал волчицу.

– Боже, сколько крови... – прошептал он. Перед его мысленным взором пронёсся ужас пережитой им войны – раны, стоны. Не сейчас и никогда, он закрыл дверь в прошлое. Сейчас главное – спасти жизнь, всё остальное подождёт.

Анна принялась за работу. Она казалась спокойной, уверенной, но выглядела немного бледной. Её руки чётко двигались по ране, команды она отдавала тихим и ровным голосом, дед только успевал подавать ей инструменты.

Минуты тянулись как часы. Семён зажмурился, он не мог вынести этого, ему было страшно, он так крепко обнял Малыша, будто держался за него, как утопающий за соломинку.

Раздался звук упавшего в миску металла. Аннушка извлекла пулю.

– Вот сволочи, – не выдержал дед, – из Макарова стреляли, твари!

– Всё, – тихо сказала Аннушка, – промываем и шьём, сердце не задето, ещё бы миллиметр и конец.

Оглянувшись на сидящего на полу Семёна, Анна наклонилась к деду и шепнула:

– Она потеряла слишком много крови. Теперь от меня мало что зависит.

Операция была закончена, Анна с дедом наложили повязки волчице и убрали инструменты. Семён всё сидел, не открывая глаз, волчонок сидел рядом с ним не шевелясь. Дед подошёл и погладил внука по плечу:

– Всё, всё кончилось. Соберись, ты должен мне помочь переложить волчицу на лежак, Аннушка уже всё подготовила.

Семён открыл глаза и едва поднялся. У него совсем не осталось сил, страх сжёг его изнутри, теперь самое главное, чтобы волчица выжила. Семён слышал, как Аннушка прошептала деду, что она потеряла много крови.

Мужчины переложили волчицу на лежак, туда, где когда-то, кажется совсем недавно лежал Волк. Малыш взобрался и тихонько лёг рядом с матерью, Семён опустился на пол и обнял своих волков. Аннушка, увидев эту картину тихо всхлипнула и ушла на кухню. Дед молча принёс из сеней деревянную лавку, бросил на неё шкуры и заставил Семёна лечь на них, и с Волчицей рядом, но и самому отдых нужен. Он погасил свет и пошёл к Аннушке. Она стояла на кухне и трясущимися руками пыталась заварить чай.

Дед подошёл, молча обнял её, она повернулась к нему, и уткнувшись в шею, зашлась в рыданиях. Он гладил её по спине, и всё шептал какая она у него умница, и что он гордится ею, и счастлив, что судьба подарила ему её, но самое главное – он не представляет себе жизни без неё. Аннушка подняла заплаканные глаза на своего любимого и тогда, глядя в её необыкновенные глаза он сказал:

– Я люблю тебя.

Аннушка обняла его, прижалась сильно к его груди, и тихо прошептала:

– Я знаю, но я всё равно люблю тебя больше.

За окном алым заревом занимался рассвет.

Полковник и его «свита» спешно покинули лес. В районный центр полковника доставили на машине, где он, не теряя ни минуты, сел в вертолёт и направился в город на доклад к генералу. Ребятки определены в больницу, с врачами он уже поговорил, да они и сами не маленькие, расскажут так, как надо. Главное – успеть, «кто успел, тот и съел». Он пребывал в отличном настроении, как он ловко всё придумал, пока егеря свои бумажки напишут, да пока отправят –

он уже сам всё решит. Он потирал руки от предвкушения, какую «мину» подложит своей бывшей жёнушке, пусть знает с кем дело имеет, кого она предала. А ведь егерей можно и под суд отдать за нападение и самоуправство, доказательств то у них нет, зато у него – полный набор.

Семён проснулся внезапно, словно от удара в самое сердце. Он лежал на скамье рядом с лежаком Волчицы, его рука лежала на её шее. Что-то неуловимо изменилось.

Малыш проснулся и насторожился. Семён погладил Волчицу и понял, случилось страшное – она не дышит. Он закричал от боли. Малыш заскулил.

– Нет, нет! Не уходи, не бросай меня, пожалуйста, слышишь, не сейчас. Нет...

Он обнял Волчицу руками, сильно прижался к её шее, слёзы капали на белую, шелковистую шерсть. Семён застонал.

– Нет. Только не сейчас, пожалуйста, ну пожалуйста Господи, не забирай её у меня, я не выдержу, я умру без неё, верни мне её, верни, пожалуйста! Она всё, что у меня есть, это так несправедливо, это нечестно. Вернись, – прошептал он осипшим от горя голосом на ухо волчицы, – вернись ко мне...

Волчица мчалась по белоснежному, лёгкому, как пух ковру. Какой странный снег, подумала она, совсем не холодный и такой лёгкий, и пушистый. Как хорошо, так светло и безмятежно, тело совсем невесомое, как будто парит над облаками. И какая огромная, заснеженная поляна, совсем нет холода, но и солнца не видно. Неважно, это так красиво, так хорошо, так спокойно и прекрасно. Она счастлива, больше нет боли, нет страха и страданий – она свободна. А вот и он, стоит на краю горизонта, такой огромный и такой прекрасный, её Волк. Наконец-то, она нашла его и теперь уже никогда от себя не отпустит, никогда и ни за что. Она ускорила бег, скорее, скорее к нему, к единственному и любимому, забыться в его объятиях от всего страшного, от боли потери, от тоски, что разъедала душу. Любимый, самый дорогой и неповторимый, самый родной, она бросилась к нему. Как хорошо снова ощущать его тепло, смотреть в его бархатные глаза, тереться об его шею, какое это блаженство – вновь обрести потерянного любимого...

Её кто-то окликнул, это был странный зов, как будто из прошлой жизни. Волчица обернулась, и как сквозь туман увидела того, кого назвала «приёмным сыном» – он звал её, в его голосе было столько боли.

Странно, почему он так печален? Ведь здесь и сейчас столько радости, он здесь и должен видеть её Волка, неужели он его не видит. Она попыталась позвать его, но, кажется он её не услышал. Она прижалась к Волку, заглянула в любимые глаза, потёрлась об него носом. Он нежно лизнул её и кивнул, указывая в сторону человека.

Человек всё звал и звал её, она поняла, что он плачет, столько отчаяния было в этом голосе. Волчица ещё раз взглянула на своего Волка и помчалась к человеку...

Услышав истошный крик Семёна, дед ворвался в комнату, следом за ним вбежала Анна. Дед еле оттащил внука от Волчицы, Семён всё никак не разжимал обнимающие тело волка руки.

– Всё, мой хороший. Поздно, слишком поздно... Прости. – прошептал дед.

Семён вырывался из объятий деда.

– Нет, я не верю, нет! Ещё можно что-то сделать, ну пожалуйста. Аннушка, помоги, верни её мне, я тебя умоляю, ну сделайте же что-нибудь!

Аннушка подошла к лежаку, ощупала тело волчицы. Удивлённо посмотрела на внука, разорвала наложенные повязки и начала делать массаж сердца.

– Раз, два, три. – три сильных нажатия – ничего. Ещё раз: раз, два, три – опять ничего. И ещё раз... – Ну, давай же! Давай же, Хати, вернись к нам. Возвращайся девочка, ещё слишком рано, сейчас не твоё время, – шептала Аннушка.

По телу волчицы прошла судорога, и она сделала вдох.

– Вот и хорошо, вот и умница! С возвращением, родная, добро пожаловать домой, – роняя слёзы, прошептала Анна.

Семён кинулся на шею Аннушке, от переполнявших его чувств он не мог говорить.

Аннушка гладила его по спине, такого большого и сильного мужчину, такого доброго и нежного, и, несмотря на его возраст и рост, он так и остался для неё тем самым перепуганным, пятилетним мальчиком, что цеплялся за ладонь деда, боясь разжать руку – вошёл в их дом, их жизнь и стал её смыслом.

Дед, чтобы скрыть слёзы, повернулся спиной к Аннушке и гладил волчонка. Затем собрал бинты, погладили Волчицу и пошёл на кухню.

Семён отстранился от Анны, заглянул в её глаза и поцеловал в лоб, вложив в свой поцелуй всю свою любовь, всю нежность и благодарность.

– А почему ты назвала её Хати? Какое-то странное имя. – спросил Семён.

Аннушка засмеялась.

– Услышал. Когда я была в том же возрасте, что и ты, я читала очень хорошую книгу, кажется, приятный любовный роман, правда названия уже не припомню, там у главного героя викинга была волчица, и звали её Хати. Так что... Как-то само вырвалось.

– Я не против. – улыбнулся Семён. – Мне очень даже нравится, и ей подходит. Давай будем звать её Хати.

– Лишь бы она согласилась. – кивнув на волчицу, улыбнулась Аннушка. – А теперь, вы с дедом езжайте в посёлок, я список приготовила, да в аптеку загляните – нам лекарство нужно, будем девочку на ноги поднимать.

Семён кивнул и пошёл за дедом. Дед обнял внука и похлопал его по спине. Аннушка подошла к волчице, погладила её и волчонка.

– Пойдём-ка, Малыш, я тебя покормлю, а то у тебя совсем мордашка осунулась от переживаний.

Малыш прыгнул с лежака и потрусил на кухню за Анной.

– Генерал, к Вам на приём по личному вопросу полковник Евстафьев, – раздался голос секретаря из коммутатора.

Генерал встал из-за своего огромного письменного стола, вот принесла же нелёгкая, опять что-то у него случилось. Пройдясь по кабинету, разминая затёкшие плечи, генерал подошёл к двери и лично пригласил полковника пройти. Не нравился ему этот полковник, ох не нравился. И прошлое у него было какое-то тёмное, да и сам он был какой-то весь «прилизанный», слишком уж «прогибался», а глаза были злобные. Генерал Артемьев таких людей не то, что не любил, он их опасался. Такой и нож в спину воткнёт не задумываясь, а потом будет доказывать, что так оно и было. Но руководство его ценило, видимо было за что, хотя...

– Алексей Вадимович, доброго Вам, доброго. Рад, что уделили мне Ваше драгоценное время, я ведь понимаю, как Вы заняты, всё дела-дела...

Генерала передёрнуло от омерзения.

– И Вам, доброго дня, Сергей Иванович. Что на сей раз натворили? – спросил генерал.

– Ну что Вы, что Вы... Почему же сразу натворили-то. У нас всё спокойно, даже очень спокойно. Только вот ребятки мои тут чуть не погибли.

– Да, ну... Наслышан я о ваших архаровцах, это кто ж такой смелый на них напал? – удивился генерал.

– Ну, Вы же знаете, они у меня люди воспитанные, труженики, так сказать. Вот, после смотра я их порадовать немного решил, чтобы отдохнули малость, на природе побывали, ухи откушали. Шутка – ли, первое место ведь по региону заняли, сколько трудов вложили, пота пролили...

– Хватит эпитетов, – отрезал генерал, – сказал же, наслышан я о ваших архаровцах и их «заслугах», только и успеваю жалобы из частей разбирать, тот ногу сломал, этот с лестницы сам упал, а когда вся рота в снегу в исподнем сидела – не ваших «красавцев» рук дело?

– Ну, было, было... Погорячились ребятки, погорячились. Так ведь, производственная необходимость, так сказать. Молодых в ежовых рукавицах держать надо, а то ведь они...

– Наслышан, ближе к делу. – оборвал генерал.

– Ох, вот Вы ведь, Алексей Вадимович, человек бывалый, много чего видели, а мои ведь, «зелёные», их ещё много чему учить надо. Ну, да ладно. В общем, приехали мы на дальнюю заимку, в тайгу отдохнуть, порыбачить, места там изумительные...

– Это как это вы туда приехали? Туда же тысячу километров ехать. Опять вертолёт в личное пользование брали?

– Грешен, грешен, Алексей Вадимович, – покорно склонил голову полковник, – но так хотелось ребяток порадовать...

– Вы тут со своей радостью мне дел натворите, а я потом разгребай?!

Полковник напрягся – не так пошёл разговор, зря он к этому генералу сунулся, вроде бы ничего мужик, но слишком правильный какой-то. Надо разговор в более безопасное русло перевести, а то так он сам виноватым ещё окажется.

– В общем, в заимке этой, «лесхоз». Мы на берегу расположились, тихо, чинно. Ребятки удочки достали, костёрчик развели. Вы не подумайте, мы всё честно, по правилам, знаем ведь, что территория охраняемая.

– Ну, естественно. А егеря, вы конечно же, предупредить забыли, да и разрешения не взяли, так?

– Так торопились очень, и что людей зря тревожить из-за трёх рыбок? А вот как стемнело, тут-то и начался «фейерверк», да такой, что трое моих сейчас в больнице лежат, в тяжёлом состоянии.

– Ух ты! – удивился генерал. – Это кто же их так «уделал» то?

– Да старший егерь. Он пьяный в «хлам» был, как налетел – всех раскидал, вёл себя как безумный. Что уж они в этой тайге за сивуху пьют, что в бешенство впадают, потом ещё и начальник «лесхоза» подключился – дед его. Кое-как ситуацию уладили, племянник мой их на прицел взял, они только после этого и успокоились.

– Так. – генерал встал из-за стола, и скрестив руки за спиной, начал мерить шагами кабинет. – Стало быть, Вы, Сергей Иванович, жаловаться ко мне на егерей приехали? А то, что сами без разрешения, да не в сезон охоты, да на военном вертолёте в самоволку ушли. Ах, да – племянник Ваш ещё и с табельным оружием был – это конечно нормально, я этого не заметил, так?!

– Виноват, каюсь. Но ведь парни – то мои вон как пострадали, это же произвол...

– Это что же получается, один егерь голыми руками «завалил» троих бывалых военных, Вы это пытаетесь мне сказать? Да где же таких егерей – то дают, мне бы их к себе в часть, хоть одного такого! – генерал остановился посреди кабинета и сверлил взглядом полковника.

– Да, не получилось у нас разговора, Алексей Вадимович, не получилось, а я ведь Вам о произволе говорю.

– Единственный произвол, о котором я слышал – это действия Ваши и ваших «подопечных». Ладно, пишите рапорт, я разберусь, что там за «чудо» егеря в тайге обитает.

Выходя из кабинета, полковник Евстафьев напряжённо размышлял, что делать дальше. От генерала толку никакого, замнёт скандал – и то ладно, лишь бы хуже не сделал. Придётся ехать к «серьёзным людям», может и генерала этого поприжмут...

Аннушка хлопотала по дому. Волчица, после введённых ей лекарств спокойно спала, благо кризис миновал. Малыш потихоньку осваивался. Не было в доме того места, куда бы он не сунул свой чёрный блестящий нос. Ему всё было интересно, он бегал за Аннушкой как хвостик и всё пытался стянуть со стола скатерть, там ведь так здорово пахнет. Ребёнок, одним словом. Пусть не собака, пусть волк – но всё равно ребёнок, а все дети одинаковы.

Малышу всё было в диковинку, так много нового, замечательного, вкусного. А самое главное – ему было ни капельки не страшно, ну нисколько! Такая хорошая нора, в ней тепло, сухо и светло, а главное, что здесь пахнет «большим братом» и ещё чем-то очень замечательным. И так хорошо, что мама здесь, она болеет, но скоро поправится, главное, что она «не ушла» за папой. И здесь живут хорошие люди, они такие добрые и заботливые, кормят вкусно и много. Он старался не вспоминать охотников, ему до сих пор было страшно, он даже не хотел возвращаться в лес, в этой норе лучше, и ещё всё так интересно.

Пока Аннушка была на втором этаже – наводила порядок в комнатах Семёна, Малыш успел «навести» на кухне свой «порядок». Он – таки сдёрнул на себя скатерть и на пол плюхнулась тарелка с пирогом, который тут – же, немедленно и безоговорочно был приговорён к казни через съедение. Потом ему удалось открыть лапой дверцу шкафа, где хранилась мука, подсолнечное масло и прочие продукты – всё немедленно было изучено, выпотрошено, попробовано на зуб, и разбросано по полу. Затем в углу кухни он обнаружил потрясающий сладкий запах дикого мёда – аха, значит его там прячут, следовательно, его нужно найти.

Дотянувшись до верха тумбы, волчонок потянул на себя лоток с неразрезанными сотами, что немедля плюхнулись ему на голову. Но настоящих героев такие мелочи не смущают, и Малыш с удовольствием стал облизывать сладкую находку. Наевшись, волчонок решил поиграть в охотника, и напал на подушку, что лежала поверх стула. Он рвал её зубами и когтями, пока оттуда не посыпалось перо. Ага! Значит там живёт птица! И Малыш с остервенением разметал остатки перьев, но птицы там не оказалось – вот обида, видимо она улетела. Потом ему захотелось пить, но зачем приличному волку вода, настоящие волки пьют только молоко, и, найдя по запаху большой кувшин с молоком, Малыш недолго думая опрокинул его на себя.

На звон разбившейся посуды примчалась Аннушка.

Увидев, какой разгром царит в кухне, Аннушка только руками всплеснула, но рассмотрев под столом волчонка, его перепуганный взгляд, и его вид – начала хохотать. Смеялась долго, до слёз. Теперь ясно, как выглядит «чудо в перьях». Волчонок был весь облит молоком, перемазан в муке, меду и перьях – замечательная смесь. Аннушка всё смеялась, никак не могла успокоиться. Малыш сначала решивший, что он провинился – успокоился, и поняв, что раз ничего страшного не случилось, то можно продолжить игру. Он вылез из-под стола и стал весело гоняться за своим хвостом.

Аннушка посмотрела на маленького безобразника, покачала головой и пошла в сени за веником.

В это время из посёлка вернулись дед и Семён. Аннушка вышла их встречать, она посмотрела на Семёна и смеясь вручила ему веник. Семён недоумённо посмотрел на неё.

– Иди в дом, мой сильный волк, и занимайся воспитанием своего «младшего брата», пока он всё там не разнёс окончательно, – сказала Аннушка, и смеясь прижалась к деду.

Семён вошёл в дом. Увидев «новый порядок» на кухне, в первый раз тихонько ругнулся, и тут ему на грудь прыгнуло что-то состоящее из бесконечно прыгающих лап, хвоста и языка, облитое чем-то липким и в перьях.

– Мама, дорогая! – присвистнул Семён и захохотал. – Сколько же я тебя теперь отмывать-то буду...

Генерал Артемьев пребывал в крайне раздражённом состоянии. Из-за визита этого полковника – весь день пошёл насмарку. Всё же, какой неприятный человек этот Евстафьев. И рапорт у него подозрительный, нет чтобы всё спустить по-тихому, побежал с докладом. Видимо, сильно они там «нарыбачили», а пока рапортов от егерей дождётся, это – ж, сколько времени пройдёт.

Всё, устал, пора отдыхать. Сейчас бы на отдых, на природу, к костру да с гитарой, да чтобы компания хорошая подобралась. Вот ведь, полковник может себе позволить пользоваться вертолётom в личных целях, а он – генерал, не может. Ему совесть не позволяет, тыфу ты!

Попрощавшись с секретарём, генерал отправился домой. Водитель ждал у крыльца, привык уже, знал, что Артемьев работает допоздна.

– Домой, Алексей Вадимович, или ещё по делам? – спросил водитель.

– Поехали домой, – устало произнёс генерал, – устал я что-то, лучше спать пораньше лягу, потом с документами разберусь.

Машина с тихим шорохом двинулась по ночному городу.

Домой, как хорошо всё-таки звучит это слово, домой – там тепло и уют, радость и покой... Вот только встречать его, кидаясь на шею и целуя в небритые щёки – больше некому. Некому ворчать, что генерал – образец для молодых воинов и обязан быть выбрит, трезв и чист. Уже пять лет, как её нет с ним, пять лет одиноких ночей и холодной постели, пять лет рука на ткани подушки, вместо облака волос, пять лет улыбка с фотографии. Генерал со стоном закрыл глаза. Ниночка, моя хорошая, как мне тебя не хватает, как же так, не уберёг я тебя, не уберёг. С грустными думами Артемьев вышел из машины и отпустив водителя до утра, поднялся в свою квартиру.

Вставив ключ в замок, ожидая, что его ждёт тёмный холл, приготовленный заботливой домработницей остывший ужин в микроволновке и тишина, что «режет» уши, генерал прислонился к косяку двери, как тоскливо, лучше бы он остался на работе.

Тут дверь распахнулась, и ему на шею прыгнуло рыжее взлохмаченное существо с радостными воплями:

– Папочка, папочка – я вернулась!

Артемьев еле удержался на ногах.

– Данка, солнышко ты моё, ты же меня чуть до инфаркта не довела! – обнимая некое подобие пугала, смеялся генерал.

– Па, ты не представляешь, мне столько всего надо тебе рассказать, столько всего! Практика – просто кошмар, жили как в аду, ни душа, ни еды человеческой, вообще чуть не на сеновале спали с коровами по соседству. Па, ты похудел, а ты чего небритый? Па, а ты голодный, а то я уже всё тут съела, а тётя Зоя не знала, что я приеду, не знала, да? Ты тоже забыл? А, нет, это я забыла вам сказать, что отличников раньше от практики реабилитировали! Папочка,

а что мы завтра делать будем? А ты завтра на работу, а отпуск у тебя, когда? Ты мне обещал лес и ночную рыбалку, забыл да, забыл?

– Данка, не тарыхти ты, как пулемёт, я тебя умоляю. Я чуть со страху не умер, «ураган» ты мой. Ты по-человечески совсем со своими коровами разговаривать разучилась. Сколько раз тебе говорить: «Приличные девушки, из хороших семей говорят медленно, с чувством, толком и расстановкой», а не тарыхтят как пулемёты, – пряча довольную улыбку ворчал Артемьев.

– Па, да ты что! Я и так медленно, ты бы «преподов» наших слышал, там вообще кошмар, я ничего не понимаю. А что, в холодильнике пусто, да? И полакомиться нечем, а ты вкусенького не купил, и в магазин не заходил, а пап? А водителя тоже отпустил, а вдруг он далеко ещё не уехал, давай ему позвоним. Пусть приедет, я с ним в магазин съезжу туда и обратно, я мигом, па, а у тебя денежка есть?

Вот, случилось счастье, вернулся рыжий ураган, сейчас всё станет на свои места, точнее перевернётся вверх дном. О, Господи, видела бы ты Нина, что выросло из этого маленького рыжего бесёнка. Как хорошо, что она вернулась, огненное счастье, сейчас опять всё будет кувырком, зато весело. Артемьев, закрыв глаза улыбался своим мыслям, молча достал из кармана кошелек и мобильный. Тут – же всё куда – то исчезло из его рук, и хлопнула входная дверь. Ребёнок домой вернулся, теперь, ни минуты покоя и тысяча вопросов в минуту. Хорошо, как хорошо Нинуля, что ты мне её подарила, может быть, когда-нибудь она станет более похожа на тебя, хотя вряд – ли, да и так – тоже замечательно.

Евстафьев чинно поднимался по мраморной лестнице баснословно дорогого заведения под названием «Savoy», «простым смертным» вход сюда был заказан. Полковник улыбнулся, надо же, пригласил сам лично на ужин, это хорошо, очень хорошо, вот и порешаем вопросы, услуга за услугу, и всё равно приятно.

Вышколенный официант без лишних слов встретил гостя, и проводил к столу.

– Доброго вечера, Дмитрий Константинович, рад, очень рад встрече с Вами, спасибо, что уделите мне время! – протянул руку Евстафьев.

– Садись, полковник. – лениво пожав руку, сказал сидящий за столом мужчина.

Официант, словно испарился.

– Ну, что за дела у тебя с генералом, в чём ты перед ним провинился?

Евстафьев улыбнулся и пересказал утреннюю историю.

– Ясно. А ты значит, виноватым себя не считаешь? А что если этот «Маугли» лично на приём к генералу приедет, что делать-то будешь?

– Так вот я и говорю, – покрываясь «липким» потом, сказал полковник, – прижать этого генерала надо, чтобы на тормозах спустил, а то уж больно правильный он.

– Поэтому он и генерал, а ты до полковника кое-как дослужился. Ладно, прижмём генерала, но я за это с тебя спрошу.

– Всё, что угодно, всё, что в моих силах – чуть не кланяясь, пролебезил Евстафьев.

– Это в твоих силах, иначе и звать бы тебя не стал. Значит так, пригонишь мне на дачку «молодняк», а то у меня стройка встала, пусть попотеют. Только отбирай на сей раз с умом, а то опять «налажают», посмотри, чтоб с образованием были, да в строительной теме. Вот тебе телефон, чтобы завтра с утра уже пахали, и смотри, чтобы без травм там, мне проблемы не нужны, понял?

– Понял. Сделаю, отберу профессионалов, чтобы всё было в лучшем виде.

– Ну, молодец, понятливый. Всё, свободен, ужин так и быть оплачу за тебя.

Полковник, покрывшись красными пятнами, встал из-за стола.

Рядом с ним, словно из воздуха материализовался официант, услужливо указывая путь к выходу.

– Мда... – подумал полковник, всё равно «уел», гад. Ладно, зато проблему решил, завтра надо будет солдат отправить. – Ну, генерал, ты мне за это унижение заплатишь, дорого заплатишь, – злобно прошипел полковник.

Аннушка веселилась, наблюдая за внуком, что носился по всему двору за волчонок, пытаясь затащить его в баню. Малыш категорически отказывался мыться, вылетел как ошпаренный после первого окатывания водой. Семён был весь в мыле, Малыш в перьях и мёде, они носились как угорелые, волчонку категорически не понравилась баня, и загнать его обратно было практически невозможно. Семён поскользнулся на траве и растянулся, тут же на него запрыгнул волчонок и начал по нему скакать. Семён извернулся, перевернулся на спину и ухватил Малыша поперёк живота, и с криком: «– Ага, попался!» – потащил его в баню.

Волчонок вырывался, брыкался и повизгивал, но Семён упорно нёс его. Уже на самом крыльце бани, волчонок извернулся, прикусил Семёна за руку, тот от неожиданности ослабил хватку, Малыш тут же выскользнул и удрал в другую сторону двора. Анна, увидев недоумённо-растерянное лицо Семёна, захохотала снова. Во дворе стоял шум и грохот переворачиваемых вёдер, смех и шутивная брань Семёна.

Дед вышел на крыльцо, сел рядом с Анной и с улыбкой стал наблюдать за тщетными попытками внука поймать разбесившегося волчонка, который решил, что с ним играют. Он подпускал Семёна совсем близко и в самую последнюю секунду уворачивался из его рук, и бежал в другую сторону.

– Дед, ну помоги, ну ты же видишь! – взмолился Семён.

– Ну, уж нет! Твой «ребёнок», ты с ним и разбирайся, тебе ещё кухню в порядок приводить, – ухмыльнулся дед.

Семён застонал. Волчонок, услышав стон, испуганно подбежал к Семёну и заглянул в его глаза. Семён присел, и глядя в эти бархатные, чуть встревоженные глазки сказал:

– Ну, хватит. Давай, пойдём купаться, ты весь грязный, да и я, – Семён оглядел свою перепачканную одежду, – тоже. Давай вместе, как настоящие мужчины, а то Аннушка нас в дом не пустит.

Волчонок обернулся и внимательно посмотрел на Анну, та в ответ на его взгляд покачала головой и строго сказала:

– Не пуцу, – и спрятала улыбку за спиной деда.

Семён встал и пошёл в баню, Малыш, понуриив голову и опустив ушки, поплёлся за ним следом.

Дед, наблюдая за этой картиной посмотрел на Аннушку и спросил:

– Ты хоть что – нибудь понимаешь? Они что, понимают друг друга?

Аннушка ласково взглянула на своего мужа, погладила по плечу.

– Они – одно целое, они стая. Ты сам мечтал вырастить Семёна настоящим Человеком, твоя мечта исполнена, иначе волки его бы не приняли. Он настоящий, понимаешь? И это – целиком и полностью – твоя заслуга.

– Не только моя, и твоя тоже. Ты привила ему любовь и заботу. Ты – мой ангел, и маленькая волшебница – сказал дед, и обняв Анну, поцеловал её.

Так они и сидели обнявшись, на крыльце. Солнце тихо садилось за горизонт, лес готовился ко сну, покой и безмятежность окружали два любящих сердца и казалось, нет ничего прекраснее в мире, чем два человека тесно прижавшихся друг к другу.

Уже стемнело, когда два измученных, но чистых «ребёнка» вернулись в дом. Аннушка уже успела навести на кухне порядок, убрав «следы преступления».

– Надо не забыть завтра поблагодарить её, – шепнул волчонку Семён.

Он тихо подошёл к волчице. Та спала, укрытая заботливой рукой деда, он накинул на неё шкуру бурого. Волчонок положил передние лапы на лежак и потянулся мордочкой к матери.

– Выздоровливай скорее, – прошептал Семён, и поцеловал волчицу в лоб. – Ты так мне нужна, я так испугался, я бы не пережил если бы с тобой что-то случилось. Ты такая умница, хорошо, что ты бежала за помощью к нам, а не в глубь леса. Вот и Малыш тоже рядом, нам тебя не хватает. Выздоровливай скорее, Хати.

Семён всё смотрел и смотрел на свою волчицу, что теперь спокойно спала в его доме. Как часто он мечтал, чтобы его Волк, был с ним рядом и спал на этом месте. Увы, Волка больше нет, зато у него теперь есть волчица и Малыш. Семён поставил лавку около лежака, накинул шкуры и лёг рядом с волчицей, он не мог себе позволить оставить её одну, он должен быть рядом, когда она очнётся – чтобы она не испугалась. Малыш запрыгнул на лежак, покрутился немного и тихонечко подполз к Семёну, лизнул его в нос и угнездился между ним и волчицей, вздохнув с облегчением, закрыл глазки.

– Сладких снов, – шепнул Семён и обняв своих волков, уснул.

Генерал Артемьев не сомневался, что теперь его размеренная жизнь снова изменится. Дочь вернулась с учёбы, следовательно, ни о каком одиночестве и уединении речи быть не может, тем более сейчас каникулы, и она с него живого не «слезет» – сто процентов, он улыбнулся своим мыслям. А ведь он давно ей обещал и лес, и природу, и ночную рыбалку, только вот как это всё оформить «поприличнее», она хоть и «ураган», но городской ребёнок, ей комфорт подавай, а где ей в лесу комфорт, если только на заимку какую-нибудь увезти. Заимка... что-то знакомое промелькнуло в его сознании и исчезло, надо будет об этом подумывать.

Диана, выскочив из квартиры, на ходу набирала номер водителя. Выпорхнув, словно бабочка из подъезда она пробежала до угла, где уже стояла машина. С воплем:

– «Здрассьти», вот и я! – она плюхнулась на заднее сидение и дала команду ехать по магазинам.

Водитель, тихо ворча «началось», медленно выехал со двора.

Когда они остановились около магазина, Диана потащила его с собой – сумки носить, она же девочка – ей нельзя тяжести поднимать, а дома – папа, голодный, худой, небритый, замученный, надо о нём заботиться. Водитель, прекрасно зная все Дианины «приёмы» посмеивался, слушая её трескотню, послушно шёл в магазин. Хорошо, что она вернулась, генерал хоть не так грустить будет, да и без «присмотра» она его не оставит. Чудо, а не девчонка – смешная такая, простая, открытая и очень ранимая. Никакого «генеральского лоска», никакого пафоса, у неё всё просто и понятно, только в кого она такая выросла?

Накупив всякой всячины, сладостей и фруктов Диана вприпрыжку ворвалась в дом.

– Па, ты не представляешь, – щебетала она, накрывая на стол, – какой всё же ужас эта практика, я такая голодная и замученная. А студенты – вообще караул, они же все там молодые и глупые, я одна среди них старая, умудрённая опытом женщина, они вообще ничего не знают, чему их в институте учат?

Кинув на разогретую сковороду стейки, Диана забралась на подоконник с ногами, и схватила яблоко.

– Ты представляешь, мне всего двадцать три, а Клавдия Максимовна – биолог наша, сказала, что это уже возраст старой девы, представляешь па? Па, а ты чего глаза – то закрыл, уснул, да?

Артемьев, слушая бесконечную «трескотню» дочери прикрыл глаза и вспомнил, как ещё совсем недавно они втроём сидели на этой же кухне, за круглым столом, вели чинные беседы, строили планы. Диана только поступила в медицинский институт и все разговоры были о том, как это здорово быть врачом, и сколько нового она узнаёт, и как это полезно, особенно, когда папа генерал, мама историк, а дочь будет хирургом...

– Па, ну ты уснул что – ли, ты что меня не слышишь? – Диана спрыгнула с подоконника и подошла к отцу.

– Задумался я дочь.

– Па, ты совсем меня не слушаешь, у тебя на работе проблемы, или ты устал?

– Да, просто устал. Какие у меня могут быть проблемы? Я вот думаю, может, ты всё же вернёшься в медицинский, ну зачем тебе коровы?

– Па, ну причём здесь коровы? Ветеринары тоже врачи, только они животных разных лечат, не только коров, им тоже помощь нужна. Они тоже болеют и плачут, вот.

– Ты это из-за мамы, что её не смогли спасти? – прошептал Артемьев.

– Па, хватит об этом, – сразу посерьёзнела Диана, – мы с тобой тысячу раз всё это обсуждали. И вообще, давай за стол – всё готово.

Генерал, чтобы снять неловкую паузу проворчал:

– Ну, коровы, так коровы. И пастух, наверное, какой-нибудь «заваливающий» тебе найдётся.

Диана прыснула со смеха:

– Ну па, ну ты загнул. Пастух! Я вообще замуж не собираюсь, не до этого мне. Да и кому такое рыжее пугало нужно, если только на огород – ворон отгонять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.